

К. Лукашевич

Босоногая команда

Клавдия Лукашевич
Босоногая команда

«Издательство «Зерна»

1896-1918

УДК 281.9
ББК 86-372

Лукашевич К. В.

Босоногая команда / К. В. Лукашевич — «Издательство «Зерна»,
1896-1918

ISBN 978-5-901936-05-1

Жизнь человеческая очень разнообразна, сложна и переменчива. Не для всех проходит она спокойно и счастливо. Судьба часто посылает людям тяжелые испытания. Почти в каждой жизни случаются невзгоды, горести, а в иных даже страдания и мучительные болезни. Но как бы ни была тяжела ниспосланная доля, у каждого человека есть святой долг прожить жизнь трудолюбиво, с пользой для других и себя. Человек должен как можно больше сделать доброго, прекрасного и непременно в чем-нибудь, где-нибудь оставить по себе хотя бы самый маленький светлый след, добрую память на земле. Это есть великое назначение человека, и к этому должны стремиться все люди.

УДК 281.9
ББК 86-372

ISBN 978-5-901936-05-1

© Лукашевич К. В., 1896-1918
© «Издательство «Зерна», 1896-1918

Содержание

Босоногая команда	7
Пасхальная ночь	7
У открытого окна	16
Серый дом с зелеными ставнями и его обитатели	24
Великое змеепускание	29
Поездка на лодке	34
Зимой	38
Окно закрыто	42
Дядюшка – флейтист	46
Неудачная просьба	46
Маленькие уши и пытливые глаза	51
Новый жилец	54
Музыкальный вечер	58
Тепло и свет	62
Наташа заболела	66
Дядюшку выгнали	69
Луч света	76
На новую жизнь	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Клавдия Владимировна Лукашевич

Босоногая команда

© Издательство «Зёрна»

* * *

Клавдия Владимировна Лукашевич – одна из наиболее популярных русских детских писательниц. На литературное поприще вступила она в 1881 году совсем еще юною, прямо со школьной скамьи. Первое ее произведение «Памяти царя Освободителя» было напечатано в «Детском чтении», редактором которого тогда был известный педагог и писатель Виктор Петрович Острогорский; он ободрил молодую писательницу и был ее крестным отцом на литературном поприще. Другой, не менее известный писатель и поэт, Алексей Николаевич Плещеев, бывший экспертом, когда К. Лукашевич получила первую премию от Санкт-Петербургского Фребелевского общества за свой рассказ «Макар», тоже принял в ней участие и сказал: «Не выпускайте пера из рук: в вас есть искра Божия».

И Клавдия Владимировна сдержала завет любимого поэта: в течение нескольких десятков лет она неустанно и плодотворно работала в области детской литературы.

Самой дорогой наградой за ее труд было то, что ее рассказы вошли во многие хрестоматии и учебники и по ним учились тысячи детей в самых отдаленных уголках нашей родины.

Босоногая команда

Повесть

Пасхальная ночь

Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15 линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большую часть одноэтажные, с наружными ставнями у окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодежь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребята сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживленно.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было асфальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: все оживало, все пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце; из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между желтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро разворачивались в маленькие, липкие, ярко-зеленые листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

* * *

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шел и шел непрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

* * *

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15 линии Васильевского острова, сырая, темная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь все выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в свое лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был еще не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми

глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

– Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, – тихо сказал больной.

Мальчик встрепенулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздернутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всем том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперед и немного откинув набок голову.

– Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

– Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Одну матушки-покойницы кофту черную.

– Ведь и шапки-то нет у тебя, сынок.

– Я, пожалуй, и платком повяжусь.

Отец тяжело вздохнул.

– Нет, это не ладно... Точно девчонка... Одень опять мою старую, все же лучше... Велика только, – вся твоя голова в ней пропадет...

– Ништо... Так ладно будет.

– Эх, горе мое! Сгубила нас с тобой, сынок, эта болезнь моя. Поди, помолись... Детская-то молитва скорее до Бога дойдет.

– Пойду... Только как же ты-то останешься?

– Мне легче теперь...

Гриша достал из-под кровати корзинку, стал в ней шарить и одеваться.

– Какая сегодня служба-то великая идет, – говорил сам с собой больной. – В храмах Божиих какие стихи поют, какие псалмы читают! А потом все люди, забыв зло и вражду, обнимут друг друга, скажут: «Христос воскрес!»

– Батюшка, а батюшка!

Гриша посмотрел на отца и подумал: «Уж не заговаривается ли он?»

– У меня и трех копеек нет тебе на свечу, – глухо сказал отец.

– Ништо... У меня есть огарышек. От 12 Евангелиев остался... «Советник» дал. Увидел, что я стою без свечи, хлопнул легонько по плечу и свечку сунул... Я ее берег... Вот она...

Он встал с пола и вырос перед отцом в порыжелой женской кофте, с головой, ушедшей в старую барашковую шапку, которую он все сдвигал назад. Как он был смешон! Но отец даже не улыбнулся. А уморительный человечек в этой шапке и кофте вдруг схватил больного за шею, припал к нему на грудь головой и замер... Детская ласка везде одинаково мила – и в богатых домах, и в темном сыром углу. Больной ласкал и прижимал к себе дорогую ему голову в большой шапке и глотал подступившие к горлу слезы.

– Нам и разговеться нечем... Нет и яичка красненького для тебя, Гриша.

– Не тужи, батюшка... Ништо... Я скорехонько и дома.

Мальчик скрылся за дверью.

* * *

В другом углу того же подвала жила прачка-поденщица. За темной ситцевой занавеской, она снаряжала своих детей к заутрене. Дети оделись в старенькие, заплатанные платья. На простом белом столе стояли очень маленькая пасха, небольшой покупной кулич. И здесь жили бедно... Вдова-мать работала без отдыха, но ведь труд поденщицы оплачивается плохо. Ей едва хватало, чтобы платить за сына в школу, чтобы есть каждый день, и то не досыта, да жить здесь в углу, в подвале.

– Мама, а разговеемся-то мы когда? – спросил подросток-мальчик в чистой ситцевой рубашке, бледный и высокий, с задумчивыми серыми глазами.

– Уж и ты, Степушка, словно маленький, – не дожدهшься. Придем из церкви и разговеемся.

– Тогда и яичко красненькое дашь? – спросила девочка лет семи, как две капли воды, похожая на брата.

– Одним мы разговеемся, а те завтра остальные дам.

– Вкусно! Так слюнки и текут! – проговорила улыбаясь девочка и тронула пасху пальцем.

– Не трогай! Что ты?! Ведь грешно, – остановила ее мать и поспешно завязала пасху в чистый платок.

Не мудрено, что здесь так нетерпеливо ждали разговенья: весь длинный пост они строго постились, ели впроголодь.

* * *

Семья лавочника, лавка которого красовалась на углу Малого проспекта и 15 линии, тоже собиралась в церковь. Пятеро краснощеких детей и сама хозяйка разрядились пестро и пышно. В чистую скатерть завернули огромный разукрашенный кулич, большую пасху с розовым бумажным цветком.

Хозяйка зачем-то пошла в сени. Поторопилась и в дверях столкнулась с входившим мальчиком.

– А, чтоб тебе!!! Не смотришь... Вечно налетишь... Кажись, все платье оборвал. Так бы тебя, кажется...

И она изо всей силы двинула мальчика, тот отлетел в сторону.

– В церковь идешь, к заутрене, а все лаешься, – произнес где-то в темных сенях мрачный детский голос.

– Хозяин! Иван Никитич! Поди-кось сюда. Послушай, как Андрюшка мне опять грубит... Зазнался! Покою от него нет! – кричала в сенях толстая хозяйка.

– Ужо я его... Сейчас иду... Позабыл мою науку, малец? Ужо я доберусь! – послышался в комнате звучный бас хозяина.

Андрюшка не так был прост, чтобы дожидаться расправы: он шмыгнул из сеней и живо очутился за воротами. Это был некрасивый, рыжий, косоглазый мальчик, круглый сирота и жил из милости у разбогатевшего лавочника, дальнего родственника. Не видел он ничего хорошего в скупой, думавшей только о наживе семье.

В наступающий Светлый праздник Андрюшка знал, что ни от кого не услышит ласкового слова: нет у него родной души, никому нет до него дела, он совершенно одинок.

* * *

В том же доме, где помещалась лавка, в мезонине в одной тесной комнате жил столяр; жена его, Марья Ивановна, была портниха.

В их комнатке все дышало чистотой; перед большой божницей ярко горела лампада.

Марья Ивановна принарядила свою единственную дочь Марфушу, посмотрела на нее и подмигнула мужу: тот с нежностью остановил на ней взор. Темная коса девочки была гладко причесана и заплетена розовой ленточкой; румяное миловидное личико склонилось над тарелкой с яйцами; она что-то про себя шептала, указывая поочередно на каждое яйцо.

- Что ты там шепчешь? – ласково спросила мать.
 - Мамашенька, одного яичка не хватает. Как хотите... Посчитайте сами...
 - Что ты, Марфуша, да ведь там целый десяток.
 - Вам и папашеньке, бабиньке с дедушкой, тете Ане, слепой Маврушке, дяде Антону, Грише, Степе и Анюте... А «советнику»-то?
 - Ишь ты как всех наградила! Откуда ж я тебе возьму? У меня больше нет.
 - Ну, мне не надо. Пусть ее дает, коли ей любо, – сказал, улыбаясь, отец.
 - Уж ты у нас, отец, баловник! Избалуеть дочку.
- Марфуша бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала.
На улице в это время раздался первый пушечный выстрел.

* * *

Из калитки маленького деревянного старого дома с зелеными ставнями, выглядевшего чище других по 15 линии, вышел высокий, несколько сгорбленный, но еще бодрый старик в широкой шинели, в картузе с кокардой и с узелком в руках: там были кулич и пасха. Вместе со стариком вышла девушка, уже не первой молодости, высокая, худая, с длинным носом, в кринолине, в маленькой круглой шапочке и суконной кофте.

Из отворенной калитки выглядывала старушка с седыми локонами и с накинутой шалью. Яркое пламя вспыхнувших около дома плошек осветило милое доброе лицо старушки с голубыми глазами, и гордую, серьезную девушку, и старика. Высокие, туго накрахмаленные воротники заставляли его держать голову прямо, как будто бы важно. Из-под седых бровей смотрели веселые черные глаза, молодые по выражению, которые совсем не подходили ни к седым волосам, ни к сгорбленной фигуре.

– Идите с Богом! За меня помолитесь. Я уж тут, дома... – тихо сказала старушка.

– Уходи, уходи, Темирочка, еще простудишься. Закрывай калитку, – заботливо посоветовал муж.

– Я думаю, к двум часам и домой вернетесь. Ну, Господь с вами! – и старушка скрылась за калиткой.

А в это самое время мимо старика с его дочерью прошмыгнули два мальчугана, один в кофте и в большой шапке, а другой – высокий, худой.

– Опять эти мальчишки! – с ужасом и негодованием воскликнула девушка. – Никогда от вас покою нет. Кажется, видите – папенька к заутрене идет... Понимаете?!

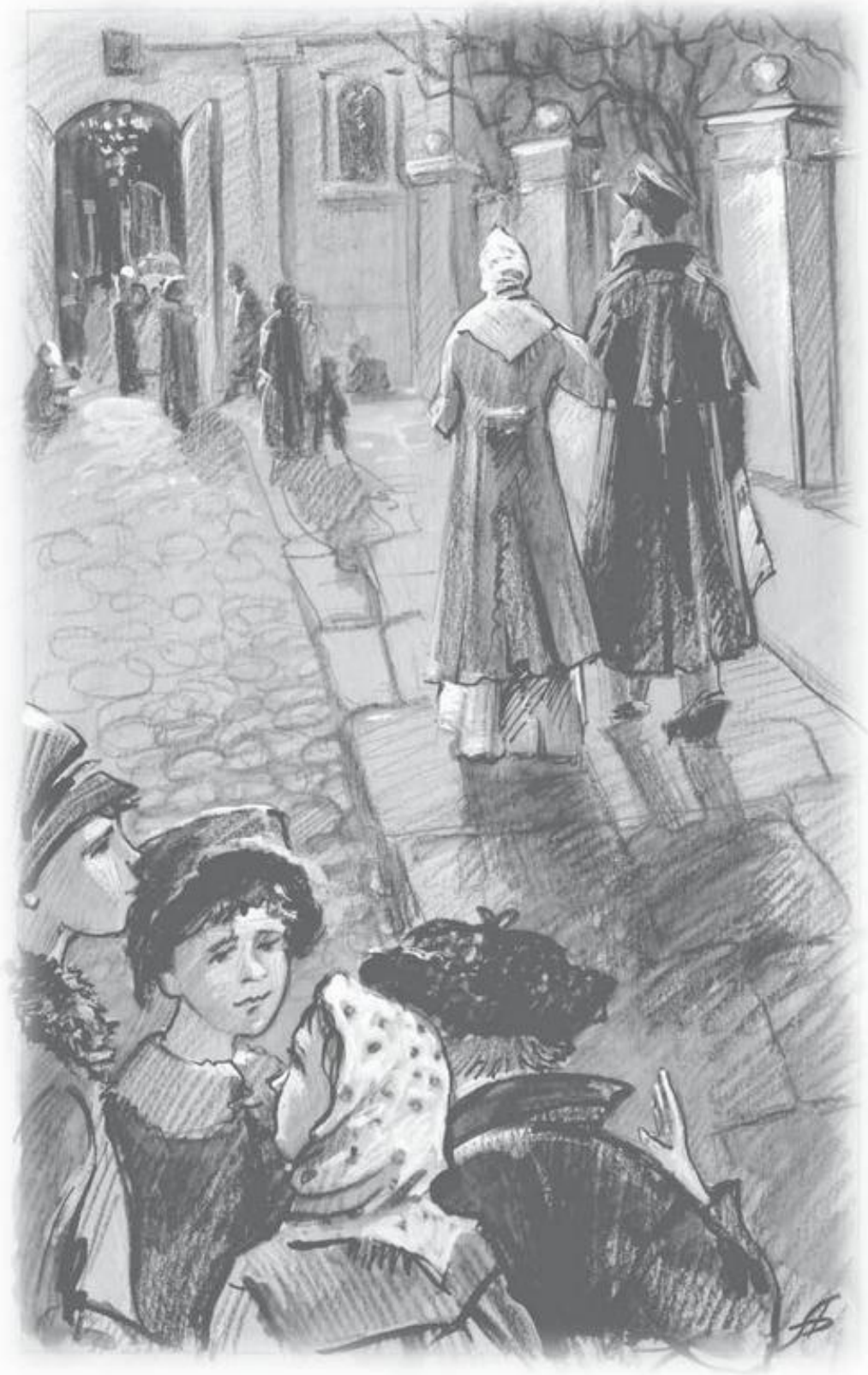
– Оставь, полно, Агнесочка... Они ведь ничего... Пускай идут вместе.

– Нет, папаша, увольте от этой милой компании. Дайте хоть в праздник вздохнуть свободно. Ваши мальчишки мне надоели до невозможности.

Старик замолчал. Мальчуганы перебежали на другую сторону. Там их поджидала целая компания маленьких оборванцев в стоптанных сапогах, а то и вовсе без сапог и в заплатанных пальто.

– «Советник» с «принцессой» в церковь пошли, – объявил один из мальчуганов.

– Он сказал что-нибудь? – пропищал тоненький голосок.

- Что он скажет?! Глупая! – Просто пошел к заутрене.
- Пойдемте, ребята, в церковь!

Вся ватага двинулась вдоль улицы. Не одна пара детских глаз провожала с затаенным любопытством, с немой надеждой, многие – с лаской, шедшего по 15 линии старика в картузе. От времени до времени он приподымал фуражку и приветливо кланялся ребятишкам.

– «Советник» к заутрене пошел! – передавалось из одних детских уст в другие.

– С кем? – допытывались не видевшие.

– С «принцессой на горошенке».

– А «седая богиня»?

– Дома осталась. Только за калитку проводила.

– Он ничего не говорил?

– Что же он скажет?.. «Принцесса» рассердилась, зачем мы его ждали... Прикрикнула...

Он ей что-то пошептал.

В это время раздался первый удар колокола в соборной церкви, его благостный призыв загудел, расстилаясь по воздуху... Еще удар... Потом в другой церкви... Снова где-то дальше. И пошел гулкий звон во всех церквях.

Ярче запылали площадки около церквей и домов... Усилилось движение на улицах. В церквях началась Светлая заутреня.

Много бедно одетых ребят, обитателей подвалов, конур и мезонинов, пробралось в ту церковь, куда прошел «советник» с дочерью.

Дети протискивались вперед, охотно ставили к образам свечи, когда им передавали, гасили огарки и посматривали по сторонам.

Дивно хороша пасхальная служба! Тысячи зажженных свечей... Крестный ход, возвращающийся в церковь с радостным пением «Христос воскрес!» Светлое облачение духовенства... Торжественное, ликующее пение – все это оставляет неизгладимое впечатление, смиряет душу и заставляет позабыть и вражду, и злобу, и горе.

Рыжий Андрей стоял тоже в церкви, недалеко от Гриши. Оба они во все глаза смотрели на батюшку, когда он в конце заутрени вышел с крестом и, благословляя народ, три раза воскликнул: «Христос воскрес!»

– Воистину воскрес! – гулом пробежало по церкви... Все стали друг с другом христосоваться.

Андрей и Гриша стояли одинокими... Все-то с родными, с близкими, а у них никого нет.

Мальчуганы взглянули в ту сторону, где стоял старик с черными глазами – «советник», как они его называли. А он, улыбаясь, уже подходил к ним, крепко обнял сначала одного, потом – другого, христосовался и гладил их сиротливые головы.

– Христос воскрес, ребятки!

– Дяденька! Воистину воскрес!

– Приходите завтра к окну. Я вам по хорошенькому яичку дам... а пока вот, возьмите... – и, сунув мальчикам в руки по красному яйцу и по гривеннику, он поспешно отошел к дочери.

Начиналась обедня.

У открытого окна

Маленький серый дом с зелеными ставнями весь потонул в зелени: с одной стороны – старый хозяйский сад, с другой – небольшой отдельный двор для жильцов, с двумя кудрявыми березами да с кустами сирени. Высокая жердь с западней для птиц выглядывала из-за забора.

Мимо серого дома уже который раз с очевидным нетерпением проходили взад и вперед ребятишки: то мальчики, то девочки – в одиночку и по парам...

Вот появились и Гриша со Степой. Гриша – в большой черной кофте, старой шапке и босиком, а Степа – в неуклюжем дырявом пальто, в стоптанных сапогах и новой фуражке на голове...

Мальчики прошли медленно мимо окон деревянного дома с зелеными ставнями. Около крайнего окна, задернутого синей занавеской, Степа приподнялся на цыпочки и заглянул...

– Нет, еще не видно, – с грустью прошептал он.

– Верно, кофей пьет, – возразил Гриша и сдвинул на затылок шапку.

Дети пошли дальше, но все обертывались и посматривали на серый деревянный дом, на заветное окно. Да и не они только... На другой стороне тоже с этого окна не спускал своих глаз рыжий Андрюшка.

День был ясный и теплый... На улицах с утра все говорило о Светлом Празднике: было чище прибрано, развевались флаги, народ шел нарядный и веселый, во всех церквях беспрестанно трезвонили... Тот, кого дети называли «советником», Семен Васильевич Кривошеин, живший в старом домике, только что отпил кофе. Он закурил сигару и собирался пройти из чистенькой кухни в свою комнату, чтобы открыть окно.

– Папенька, уж вы, пожалуйста, сегодня ваших грязных мальчишек не зовите в комнаты: везде вымыто и половики чистые настланы, – сказала ему дочь Агния, высокая худая девушка.

– Слушаю-с, «принцесса на горошенке».

– Я говорю серьезно, а вы все смеетесь. Я думаю, никому другому – мне приходится мыть и прибирать...

– Что делать, душа моя! Всякий знает, что столбовая дворянка и в VI книге записана... А вот приходится и полы вымыть самой, и постирать, и постряпать. Уж поверь, что труд только красит человека...

– Ну, папаша, не будем говорить об этом... А только знайте, что мальчишек ваших сегодня я не пущу в комнаты... От них только грязь, сор и гам...

– Эх, матушка, было бы на душе бело. А после моих мальчишек сор уберешь, и следа не останется...

– Вы не поверите, маменька, до чего они мне вчера у заутрени надоели: по церкви взад-вперед ходят, толкаются, на всех оборачиваются... Я все время волновалась. Противные!..

– Научить их некому, Агнесочка... Простые ребята... Только они без дурного умысла, – кротко заметила мать, тихая старушка с белыми локонами.

– Ну, «седая богиня», и дочь же у тебя ворчунья... Скорее состарилась, чем ты.

– Вы бы, папаша, лучше велели вашим противным мальчишкам в церкви стоять как следует...

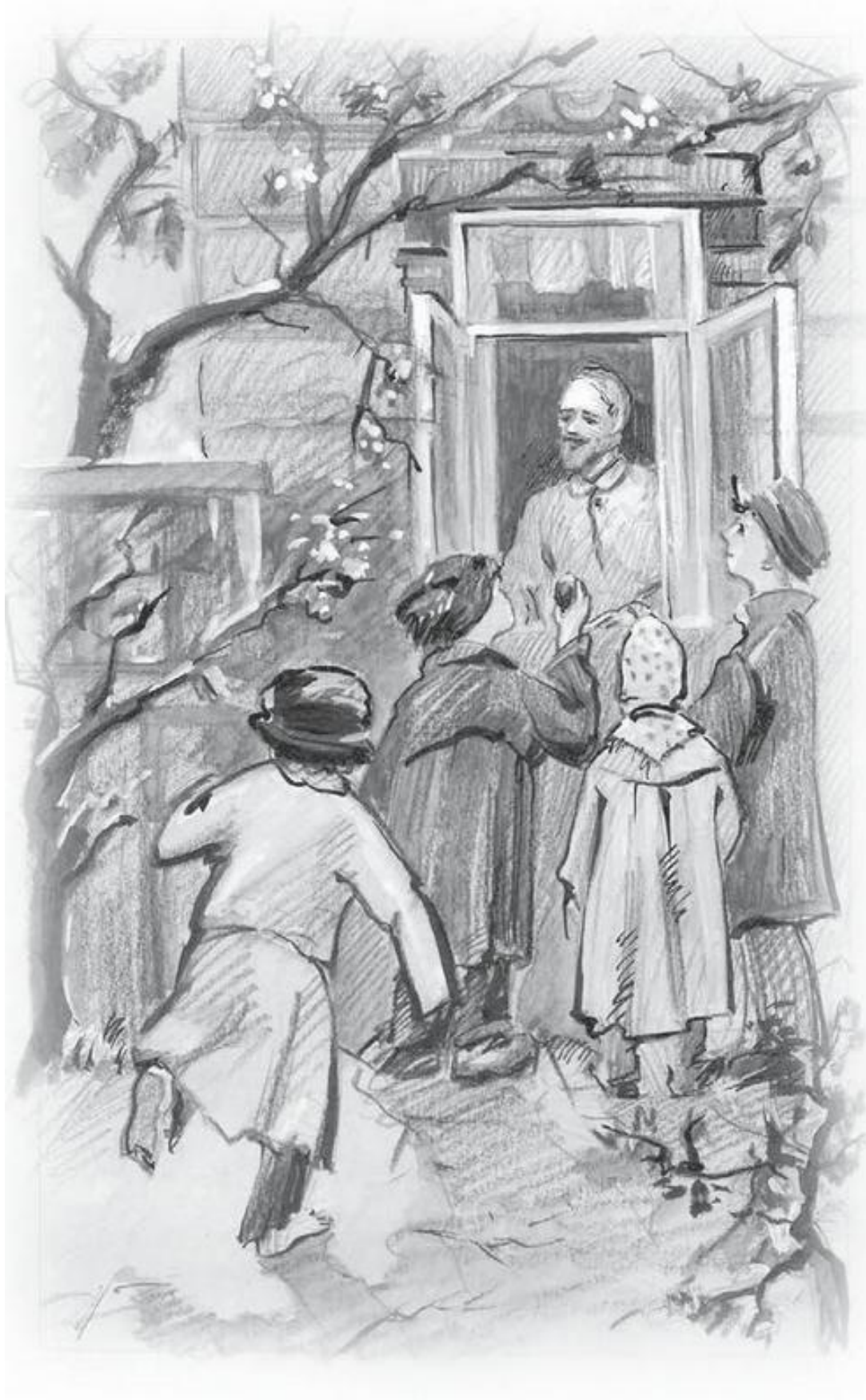
– Слушаю-с, «принцесса»! – старик приложил руку к сердцу, комично раскланялся перед дочерью и прошел в свою комнату.

– «Советник» окно открывает! – гулом прошлось по 15 линии.

– Открывает, открывает, – вдруг радостно взвизгнул курносый Гриша и, как стрела, помчался к серому домику.

Окно действительно распахнулось. На одной из его половинок было приделано продолговатое зеркало, в которое было видно далеко-далеко все, что делалось по 15 линии. Чего только не придумает чародей-«советник»!

Теперь он стоял у окна, вдыхая теплый весенний воздух и потягиваясь. Как спокойно, простодушно смотрели на этот ясный день его незлобивые, улыбающиеся черные глаза, как приветливо он улыбнулся, когда у открытого окна вдруг со смехом выросли барашковая шапка и кофта, как будто на вешалке: человека в них было не видно.

– А-а-а-а! Рулевой! Здравствуй!

Всех мальчуганов Семен Васильевич называл по-своему. Гришин нос был прозван «рулем», а он сам назывался не иначе как «рулевым».

– Дяденька, как ты сегодня долго окно не открывал! – упрекнул его мальчуган, сдвигая на затылок шапку.

– Ишь, ты какой ловкий! Думаешь, что у меня и свет в очах – как бы поскорее для вас окно открыть?! Думаешь, очень мне хочется вас видеть?! Очень я соскучился о «босоногой команде»?!

– Дяденька, ты нарочно... А уж мы-то ждали, ждали...

К окну подбегали ребяташки...

– Христос воскрес, дяденька!

– Воистину воскрес!

– Дяденька, возьми яичко! Вот от меня еще... Вот красненькое... Еще сахарное... Это вот...

– Ну, спасибо, спасибо... Куда мне столько! Здравствуйте, здравствуйте, «друзья из босоногой команды», – шутиливо говорил Семен Васильевич и, перегнувшись, целовал ребят и тоже дарил им яйца, которые сам красил.

– Смотрите, ребята, какое у меня-то яичко! С крестным ходом... Занятно!..

– А у меня – «Христос» и «Воскрес»...

– У Гриши сердце с полымем нарисовано...

– У Андрюшки – два голубка беленьких...

– Никто, дяденька, не умеет так яичек красить, как ты. Право!..

Все, которые знали Семена Васильевича Кривошеина, видели его неизменно окруженным детьми, детьми худыми, бледными, бедно одетыми, босоногими... Какое удовольствие находил он в их обществе, о чем они вели нескончаемые разговоры, – многим было непонятно. Дочь его, Агния, ужасалась, возмущалась и всячески ограждала свой дом от вторжения «грязных мальчишек».

Но оригинал-старик не мог жить без своей «босоногой команды». Его сердце с самого раннего возраста сжималось болезненно при виде птички с разбитым крылом, ободранной кошки, искусанной собаки, – он их приносил домой, жалел и лечил.

Жалея животных, куда больше он жалел детей. Он не мог видеть равнодушно худенького, бледного детского лица с выражением раннего горя, злобы и ненависти. Оборванные, беззащитные дети, росшие без семьи и ласки, в нем находили друга.

У открытого окна шел оживленный, несмолкаемый разговор.

– Ну, рассказывайте, что у вас нового? Гриша, что твой отец? Степа, хорошо ли учился?

– Отец дюже хворает...

– Страстную не учились... А то, дяденька, у меня все пятерки.

– Молодец, Степа, дай пожать твою благородную руку.

Мальчик рассмеялся и протянул худенькую руку.

– А меня, дяденька, отец к сапожнику после праздников поведет... – объявил белокурый подросток. – Неохота мне... Боюсь.

– Что делать, Петя. Будь сам хорош, и к тебе будут хороши...

– Я теперь уже умею глазурью покрывать пирожные, – хвастался маленький ученик кондитера.

– А у нас на фабрике мальчику палец оторвало...

– Это ужас что такое! И как это, дети, вы сами-то не остерегаетесь! – сокрушенно сетовал Семен Васильевич.

Уже много-много лет весной, летом и осенью открывалось гостеприимное окно «советника». Около окна, как в панораме, менялись дети: одни вырастали, уходили в ученье, другие появлялись вновь...

Дети расступились: к окну подошел молодой мастеровой.

– Христос воскресе, Семен Васильевич.

– Воистину воскресе! Здравствуй, Иван Петрович. Очень рад тебя видеть... Откуда? Какими судьбами?

– Издалека, Семен Васильевич. На Лахте работаю. Я в резчиках теперь. Вот вам подарочек принес своей работы... Не погнушайтесь, – и он вывернул из цветного платка шкатулочку, которую держал под мышкой.

– Ах, какая прелесть! Ну, спасибо, Ваня. Хорошо, тонко работаешь... А дороже всего, что вспомнил старика... Теперь все буду любоваться...

Дети напереерыв лезли к окну посмотреть затейливую резную шкатулочку.

– Я-то вас, Семен Васильевич, ни в «жисть» не забуду. Пригрели вы меня, бездомного малыша... доброму учили... Как вспомнишь что из прежнего... будто и родителей дом был... а все с вами...

Трудно было мастеровому передавать то, что он чувствовал.

– Ну, полно, полно, Ваня... Разве я мог что сделать?! Сущие пустяки!

– Нет, не говорите... Ишь, вы все с ребятами... Я как стал это понимать, – такое хорошее про вас подумал! – задумчиво воскликнул мастеровой.

В это время у окна между детьми произошло неожиданное недоразумение: послышалось грубое, бранное слово, в сторону отлетела девочка и упала, всхлипывая...

– Это что такое? В такой праздник! Кто это? – строго спросил старик.

– Дяденька, я хотела тебе вот кошелечек отдать... сама связала! – заговорила миловидная девочка и залилась слезами.

– А зачем лезет вперед. Я ведь раньше ее встал к окну, – весь вспыхнув, сумрачно объявил рыжий, косоглазый Андрей.

– И чего ты, Андрюшка... Вечно в драку... Стоял бы тихо! – укорял Гриша, качая головой в огромной шапке.

– Не плачь, Марфуша, милая. Прости ради праздника этого злого... Андрей, а ты ступай прочь от моего окна. Я тебе много раз говорил, что терпеть не могу брани и драки...

– Эх, ты, Андрюшка... и чего, право, так сделал... Вот и дяденьку осердил! – говорили дети.

– Ступай, Андрей, слышишь... Приходи тогда, когда станешь добрее и отвыкнешь ругаться.

Мальчик пошел... В зеркальце, привешенное к окну, было видно, как стали вздрагивать его худые плечи, как низко наклонилась голова и он стал проводить рукавом по глазам. Верно, не легко было расставаться с открытым окном.

Семен Васильевич все видел, и ему жаль было всем сердцем удалявшегося. Но старик был непреклонен – ему хотелось в этих грубых детях заронить искру добра и света, и он наставлял их, как умел. Он знал: Андрей еще вернется.

– Счастливо оставаться, Семен Васильевич! – сказал, уходя, мастеровой.

– До свидания, голубчик Ваня. Спасибо за подарочек. Дорого, что работа твоих рук... Вот что...

– Дяденька, пусти нас к себе в комнату, – хором попросились ребяташки.

– Уж право не знаю. «Принцесса» моя будет недовольна. Вишь, «босоногие друзья», у вас ноги-то какие грязные, а у нас полы вымыты...

– Дяденька, я ноги-то о кофту хорошенько вытру, – предложил Гриша...

– Хороша будет твоя кофта. Нет, «рулевой», не согласен...

– Дяденька, ведь сегодня праздник... Пусти нас к себе! – умоляли дети.

– Ну, идите, только не все сразу... Сначала Степа и Марфуша. Ноги вытирайте хорошенько, не шалите и входите тише... А не то и мне, и вам попадет. Идите, я открою калитку.

Старик открыл калитку. Дети застенчиво вошли в квартиру.

– Ноги вытирайте... Всегда грязи натащите! – грозно раздался крикливый голос Агнии, и она показалась на пороге кухни.

– Они вытрут, Агнесочка, вытрут. Ты не беспокойся, – я присмотрю! – успокаивал старик волновавшуюся дочь...

Дети старались как можно незаметнее и тише бочком пробраться в заветную гостеприимную комнату, где они чувствовали себя так хорошо, так спокойно... Они сидели там смирнехонько и в сотый раз уже все разглядывали. Там было для них много интересного.

А за тоненькой перегородкой раздавались шаги и воркотня Агнии.

– Дяденька, пусти и меня к себе... И меня, миленький, дяденька... Меня тоже! – доносились шепотом мольбы с улицы, и в окно тянулись руки...

Трудно было устоять против таких скромных желаний.

– Что делать, друзья мои! Придется из моей комнаты бочонок с селедками устроить. Только я вас в окно перетаскаю... Чур! не смеяться и не шуметь. Ну, ползайте.

И один за другим в маленькой комнате оказалось человек десять гостей. Когда Семен Васильевич тащил Гришу, то произошло неожиданное приключение.

Вертлявый мальчуган, вырвавшись из рук старика, упал и задел за кресло, кресло с громом полетело на него и покрыло его.

В кабинете раздался веселый взрыв хохота. Семен Васильевич сам весь трясся от смеха, но зажимал рот рукой и махал на детей...

– Это ужасно! У нас точно постоянный двор! – послышался за стеной полный негодования голос Агнии.

В это время из-под кресла показалась голова с торчащими волосами, затем – вздернутый нос и вся фигура в большой кофте.

– Дяденька, я жив... Ничуть не убили! – весело обвизнул Гриша.

Опять ребятишки прыснули от смеха, опять замахал на них старик, опять послышался сердитый голос за стеной:

– Это ужасно! Никогда нет в собственном доме покою. Это не жизнь, а каторга!..

В кабинете все стихло, как по мановению волшебного жезла.

– С утра болит голова... А тут вечный гам, вечная визготня и грязь!

– Ты бы, Агнессочка, пошла пройтись... – ласково посоветовала старушка дочери.

– Да я готова бежать без оглядки из этого Содома!

– Поди, милая, погода такая хорошая.

Дети, присмирившие было в маленькой комнатке, разговорились: полились расспросы, рассказы, стали катать яйца... Туда, в комнату, живо явились Каро и Резвый (собаки Семена Васильевича), начались ученье и возня; затем ходили всей гурьбой смотреть западню; смотрели, не взошли ли семена на двух грядках в саду; а потом Семен Васильевич стал им читать сказку. Дети слушали.

Дверь в кабинет, висевшая на блоке, приотворилась, вошла старушка с двумя тарелками в руках.

– Вот, Симушка, тут немножко кулича, пасхи, ветчинки... Может, закусите?

Какой благодарностью забилося сердце Семена Васильевича. Б^льшей радости ему нельзя было доставить – как побаловать его «босоногую команду». Это было ему приятнее всего... Он ведь знал, что бедным ребятишкам не часто доставались сладкие кусочки. И жена его, его верная старая подруга, понимала это и, когда Агнии не было дома, незаметно входила в кабинет с тарелочкой...

– Спасибо, Темирочка, спасибо тебе... Поставь вот тут тарелочки.

– Благодарствуем, тетенька! – шепотом пробежало между детьми.

Семен Васильевич вышел за женой в темненькую прихожую, обнял ее и поцеловал в лоб.

– Ах ты моя верная «седая богиня»!

«Голубчик мой, сам-то чист душой, как дитя... Радует за своих мальчишек больше, чем если ему что сделаешь», – думала растроганная старушка, проходя в свою чистенькую кухню.

Надо было видеть, с каким удовольствием разговлялись эти полуголодные, неизбалованные дети и как по-своему в глубине души они ценили это баловство доброй с седыми локонами, тетеньки... Сколько было потом толков об этом...

Серый дом с зелеными ставнями и его обитатели

Семен Васильевич Кривошеин с женой Татьяной Петровной уже давным-давно, как говорится, с незапамятных времен, жили в уютном сереньком домике с зелеными ставнями, на конце 15 линии Васильевского острова.

В околотке все знали Семена Васильевича и почему-то называли его «советником». Может быть потому, что он и на самом деле состоял в чине надворного советника. Так называли его деды, отцы, так называли за глаза и ребятишки. Все относились к нему с большим уважением и очень интересовались его своеобразной жизнью.

– Восемь часов... «Советник» на службу пошел, – говорили соседи, видя, как рано утром бодрый старик (летом в драповой, порядком выцветшей, а зимой в ватной, шинели и в красном с зелеными полосами, вязаном шарфе) отправлялся пешком на службу. Он служил где-то далеко в центре города, за Невою, в одном из министерств.

– Скажите на милость! Как время-то летит... уже «советник» со службы идет... четыре часа, – встречали на Васильевском острове Семена Васильевича, возвращавшегося со службы, и проверяли часы.

Так проходило много-много лет.

У Кривошеиных только и была одна дочь, Агния, девица уже немолодая, молчаливая, всегда чем-нибудь недовольная и раздражительная. Она почему-то особенно не любила детей.

Семен Васильевич и Татьяна Петровна прожили всю жизнь душа в душу и до старости лет сохранили друг к друг самые нежные чувства. Он ее называл то «Темибочка», то «седая богиня», а она его – «Симушка».

Они были люди старинных понятий и взглядов и большие домоседы.

Одна только Агния вносила в эту тихую жизнь некоторое недовольство и споры.

Отец относился к ней часто шутливо, называя ее «принцессой», но все-таки во всем уступал – он жалел, что вся ее жизнь прошла без всяких развлечений, в нужде и заботах... Старушка мать просто побаивалась своенравной девушки.

Семен Васильевич происходил из старинного дворянского рода и очень гордился этим, только дворянскую гордость понимал по-своему.

В свободные минуты он клал заплатки на свои сапоги и обувь своим, чинил мебель, исправлял посуду, домашние вещи и заговаривал преимущественно с дочерью:

– Ничего, матушка, что дворяне и в VI книге записаны, а всякую черную работу сами делаем и трудом не гнушаемся...

– Может быть, вам, папенька, копать в этой грязи и доставляет удовольствие, а у меня от такого унижения вся душа изныла. Не всякий способен переносить с легким сердцем такую жизнь, – раздраженно отвечала дочь.

– Зато в долги не лезем, легкой наживой не занимаемся... – Зато у нас порядочного человека в доме не бывает.

Кроме ваших грязных босоногих мальчишек, никто не заходит.

– Знакомства-то, матушка, дорого стоят... Надо принять, надо угостить, а нам не из чего... Жалованья от Царя по заслугам маленькое получаем, на него и живем. Да еще чины, ордена идут... Пенсию, как умру, тебе оставляю... – внушительно продолжал старик.

– Вы думаете, очень это хорошо, что заслуженный пожилой человек связался с босоногими мальчишками?.. Все про это говорят, удивляются и осуждают вас.

– Эх, матушка, если все разговоры-то слушать – это и жить не стоит. Мне до других дела нет... Другие и хуже меня живут, – я их не осуждаю. Около меня мальчишки дурному не научатся... Я их жалею, – они темные, голодные, у них мало радостей... Люблю я таких мальчишек, – и баста.

– Ну, папенька, оставьте, пожалуйста, эти тяжелые разговоры, – они ни к чему не приведут и меня расстраивают, – резко возражала дочь, вставала и уходила.

Небогато, но чисто было в квартире Кривошеиных, состоящей из двух комнат и кухни.

Первая комната, в одно окно на улицу, полузадернутое синей занавеской, когда хозяина не было дома, принадлежала Семену Васильевичу и называлась не иначе, как «кабинетом».

Эта комната была точно маленький музей: все стены ее, два стола и бюро красного дерева были сплошь заставлены, завешены всякой всячиной, которая попала сюда не по выбору, а случайно. Тут были всевозможные картинки, писанные масляными красками (старик был сам художник-любитель), вырезанные из книг, снятые с коробок – все в самодельных рамках. Тут были кости и черепа, негодное оружие, статуэтки, вазы, разные коробки, ящики и масса других обломков и непонятных вещей.

Половину комнаты занимало таинственное, наполненное заманчивыми предметами бюро, в которое, кроме хозяина, никто никогда не заглядывал. В углу направо стоял низкий, клеенчатый диван, служивший Семену Васильевичу постелью, затем два стола, этажерка-угольник и около окна – огромное старомодное кресло, обитое клеенкой. Вот и все...

Другая комната в два окна называлась «залой», там стояли диван и два кресла, обитые тиком, маленькое фортепиано, рядом – старинный бикс, по стенам – разные картинки, под потолком, вблизи окон, – множество клеток с птицами, а на окнах – цветы, именно плющи, которые обвивали окна и тянулись по стенам.

Самым уютным уголком этого дома была кухня, в ней и обедали хозяева. Что это была за кухня! Такую кухню можно иметь только там, где нет прислуги. Два окна ее выходили в хозяйский сад, и весной, как только распахивали окна, ветки сирени уже тянутся лиловыми и белыми цветочками, они будто просятся в букеты и распространяют тонкий, нежный аромат.

В стороне стояла плита под черным колпаком, большая ширма отгораживала кровати хозяек; в углу – массивная божница с двумя горящими лампадами, вблизи нее – полукруглый комод с медными ручками, немного подальше – большой дубовый стол... Все полки с посудой оклеены вырезанными из бумаги белыми, затейливыми фестонами; на окнах – белоснежные занавески; часы-кукушка, которая, выскакивая, куковала каждый час; везде чистота, порядок, и на всем – печать заботы и домовитости... Сейчас было видно, что здесь за всем следит с любовью внимательный глаз хозяев.

Очевидно, тут жили люди на крошечные средства, но в обстановке их не чувствовалось крайности, а безукоризненная чистота и безыскусственность даже делали этот уголок привлекательным. Каждая вещь служила тут много-много лет. Все было чинено и перечинено руками хозяев; тут вещи считались друзьями – старыми, милыми, которыми дорожили и которых любили, и с которыми было связано много воспоминаний, как будто с одушевленными предметами. Вот маленький, круглый, как шарик, самовар, – кран его давно сломан и восстановлен из какой-то белой, кривой палочки, а на крышке, вместо шишечек, – две синие бусы. Вот черный фаянсовый чайник, с оловянным носком... Корзинка с крышкой, в которой Агния носит провизию, – вся в жестяных заплатках, а ручка ее обмотана красным лоскутом... Склеенные тарелки, собственного изделия ширма, собственной работы одеяла... Да если начать перечислять весь труд, все поправки, то, пожалуй, каждая вещь в этом мирном жилище выдвинулась бы вперед и много рассказала бы о своей долгой службе и о том, сколько забот и любви видела она от хозяев...

Жизнь в маленьком сером доме изо дня в день текла тихо и однообразно. Обитатели его вставали очень рано: летом с восходом солнца, зимой – когда еще было темно.

Татьяна Петровна варила в кухне на тагане кофе, Агния убирала квартиру, Семен Васильевич чистил клетки с птицами.

В семь часов Семен Васильевич появлялся в кухне в халате и нес с собою газету «Сыны Отечества», Агния клала ему на стул вышитую подушку, – он садился, Татьяна Петровна отделяла ему несколько сухарей и ставила стакан кофе.

– Темирочка, а где же мои прихлебатели? Без них никак нельзя... Зовите моих прихлебателей... – говорил старик.

– Сидите, маменька, я позову... – и Агния уходила на двор.

– Со двора, как ураган, врывались две собаки и кот и, ласкаясь, окружали хозяина.

– Папенька, не бросайте на пол куски... за вами, как за малым ребенком, не наубираешься... – замечала Агния.

– Симушка, не давай им булок, тебе самому мало. Их ведь булочками не накормить, им овсянка есть, – говорила старушка.

– Без друзей нельзя, Темирочка... Они обидятся, если я один все съем... К тому же, Каро должен сделать «носовую».

– На вас, папаша, смотреть досадно, – вставляла свое словечко Агния.
– А ты не смотри... Правда, мой верный пес?

Умный рыжеватый сеттер умильно поглядывал на хозяина черными глазами, поворачивал на бок голову и громко хлопал хвостом по полу... Другая собака, Резвый, маленькая черная дворняжка, становилась на задние лапы и служила с самым печальным видом.

Семен Васильевич клал Каро на нос сухарь и говорил: «По моему указу пожаловать тебе сей сухарь с тем, чтобы ты почитал всероссийскую азбуку. Аз... Буки... Веди... Добро... Есть!..» При слове «есть» Каро ловко подбрасывал сухарь и ловил его прямо в рот. Семен Васильевич говорил, что Каро «сделал носовую».

Резвый читать всероссийскую азбуку не умел и получал сухарь за то, что служил на задних лапках и умел на них пройти по всей кухне.

Огромный серый кот Мусташ садился сзади Семена Васильевича на кресле, и когда тот, обмакнув сухарь в кофе, подносил ко рту, то кот тихонько трогал его лапкой.

Мусташ получал сухарь, размоченный в молоке.

– Полно тебе их кормить, Симушка. Одно баловство! Самому ведь мало... – сокрушалась Татьяна Петровна.

– Нельзя, Темибочка, обидеть закадычных друзей.

Вскоре после кофе Семен Васильевич уходил на службу. А Татьяну Петровну и Агнию поглощало домашнее хозяйство, работа – вся эта суета, которой так много у каждой хорошей хозяйки.

С тех пор как помнят «советника» в тех местах, помнят его окруженным детьми, большею частью, мальчиками, детьми бедными, оборванными, босоногими...

С первым теплым днем весны открывалось окно в кабинете «советника». Ребята, как мухи, липли к этому, будто сладкому для них, окну... Около этого окна пускались мыльные пузыри и обсуждались очень важные ребячьи дела.

Зимой, куда реже, но все же проходили заседания «босоногой команды» в кабинете; по праздникам маленький кабинет изображал из себя бочонок, набитый селедками... Весело было и в тесноте!

Летом, в праздничные дни, старик отправлялся обыкновенно с ребятами за город. Видя это шествие, взрослые обыкновенно говорили:

– Вон «советник» опять куда-то пошел со своей «босоногой командой».

Великое змеепускание

Целую неделю «босоногая команда» находилась в большом волнении. Целую неделю мальчишки каждую свободную минуту что-то строгаили, клеили, мастерили и волновались без конца.

Сам «советник», этот большой ребенок, был занят и волновался не меньше «босоногой команды». Его кабинет и маленький двор были завалены какими-то щепками, мочалами, бумагой.

Приходя со службы, наскоро пообедав, старик спешно принимался за работу. Степа и курносый Гришка ему часто помогали.

Они были не на шутку заняты и обсуждали серьезно дело со всех сторон.

– Важный хвост! – восхищался Степа, связывая длинные мочалы одну с другой.

– Ты только подожди... подожди!.. – взволнованно говорил «советник», склеивая огромные листы бумаги. – Мы около хвоста трещотку такую привяжем... Она затрещит...

– У-у-у-ух, дяденька... Знатно! – только и мог произнести Гришка, качая своей встрепанной головой.

– Это ужасно! У нас не квартира, а хлев какой-то! Это ни на что не похоже! – слышались в зале от времени до времени отчаянные возгласы Агнии.

– Ну что тебе, Агнесочка, пусть их себе занимают, – возражал ей кроткий голос матери.

– Да что это, право, маменька... папашиным затеям конца нет... Точно малый ребенок! Что только не придумает! Даже смотреть неприятно!!! Ведь этой грязи век не наубираешься!..

– Ты бы пошла пройтись, – советовала мать.

– Пожалуйста, не ворчи, «принцесса на горошенке», я ведь тебя не трогаю и к себе в помощницы не зову, – отзывался добродушно отец из своего кабинета.

Агния умолкала... А за перегородкой в комнате Семена Васильевича кипела спешная работа.

В следующее воскресенье, на гаванском поле, которое тянулось огромной, зеленой площадью в конце Васильевского острова, было назначено «великое змеепускание». Сам «советник» так и сказал своей «босоногой команде», чтобы они все готовили змеи, что в воскресенье будет «великое змеепускание». И к такому важному событию старик сам готовил «гигантского змея».

Пришло воскресенье... День был отличный, а легкий ветерок точно нарочно хотел покровительствовать веселой затее.

В этот день с самого раннего утра в бедных закоулках, углах и подвалах, где по большей части ютились горе да нужда, с веселыми мыслями поднялись со своих жестких подушек многие дети... поднялись и вспомнили... Вспомнили «великое змеепускание»... Радостно забились сердца, заблестели счастьем глаза.

«Босоногая команда» показывалась из калиток в воротах небольших домов.

Ветер качал верхушки деревьев, поднимавшихся из-за старых заборов и сулил успех «змеепусканию».

Пришел полдень... Сколько раз пробежали и мальчики и девочки мимо любимого серого домика, они заглядывали в окно, но оно было задернуто синей занавеской; дети жадно припадали к щелкам забора, но и в саду было тихо.

Ожидание и волнение истомили «босоногую команду». Вдруг все оживило и заволновалось...

Марфуша первая увидела и пронеслась не помня себя по 15 линии.

– Вышел!.. Вышел!.. Идет!.. – прерывистым голосом сообщала она по всей улице и, сама не зная почему, неслась, как стрела, по направлению к гаванскому полю.

Туда же бежали и мальчишки со змеями... Только некоторые поджидали «советника» и шли ему навстречу.

Он вышел из калитки серого дома. За ним вышли Степа и Гришка и двинулись с огромным змеем посреди улицы. Они с гордостью посматривали по сторонам.

«Советник» шел по деревянным мосткам.

Толпа около змея все больше и больше увеличивалась... Даже взрослые люди останавливались и с улыбкой смотрели то на великолепного зеленого с красными разводами змея, то на мальчишек, несших его, то на «советника».

– Ишь ты! Чудак «советник», право, чудак! Опять со своими мальчишками пошел. Сегодня змея запускать пошли. И охота ему забавляться! – судили и рядили взрослые.

А на гаванском поле ребяташки сгорали от нетерпеливого ожидания.

– Идет! Идет! – радостно крикнул кто-то.

Целая толпа со змеями в руках и без змеев с радостным гулом бросилась к показавшемуся из-за угла «советнику», а вслед за ним – к гигантскому змею, который торжественно несли Степа и Гришка.

– Вот так змей! Это, можно сказать, настоящий змей.

– Как ты, дяденька, долго! Уж мы тут не дождемся...

– Хвостище-то! Ну, знатный хвост!

– Смотрите, ребята, по змею-то разное зверье намалевано...

– Хвост-то поболее сажени будет...

– Эва хватил! И все три считай...

Восторги, восклицания, одобрения так и слышались со всех сторон.

Да что дети... – тут и многие старики, взрослые мастеровые и фабричные с нескрываемым удовольствием и с простодушным восторгом смотрели на эту затею, с детства близкую их сердцу.

Между тем змей, окруженный плотной глазеющей толпой, был принесен на середину поля.

– Знаете, ребята, сначала запустим ваши – мелкие... Посмотрим, как они сегодня будут держаться в воздухе! – схитрил Семен Васильевич, чтобы порадовать ребят.

Мальчуганы разбежались по полю со своими самодельными змеями, стоимыми столько забот и слез: не легко было достать ниток, еле добыли бумаги.

По огромному полю, в разных направлениях взвились и завертелись, где низко, где высоко, белые змеи с мочальными хвостами...

Ясное голубое небо; зеленое поле; оживленные группы бегавших детей, одушевление и громкий раскатистый смех, – когда один змей вырвался из рук мальчика и, подхваченный ветром, понесся по направлению к домам, – все это изображало такую жизненную, полную движения и прелести картину, которой нельзя было не залюбоваться.

И Семен Васильевич любовался затаив дыхание; он радовался, что эти босоногие ребяташки, из которых многие целыми неделями корпели в душных мастерских, на заводах и фабриках, согнув свои спины над тяжелой работой, дома ютились в сырых темных подвалах, а теперь, в теплый воскресный день, пользуются здоровым, хорошим развлечением и так счастливы, веселы.

Смотря на оживленные лица детей прекрасными, глубокими, черными глазами, старик сам молодел душой, блаженно улыбался и был счастлив не менее их.

Сбросив свою неизменную шинель на траву, Семен Васильевич громко захлопал в ладоши.

Дети примчались к нему со всех сторон.

– Ну, теперь мой громадина полетит. Я сам буду запускать... А кто же будет держать?

– Я, дяденька... Нет, – я... Лучше – я. Позволь мне, дяденька, миленький!.. – просили мальчики.

– Нет, ребяташки, не удержите. Надо кого-нибудь побольше...

– Позвольте мне, Семен Васильевич!..

– Из толпы выдвинулся молодой мастеровой.

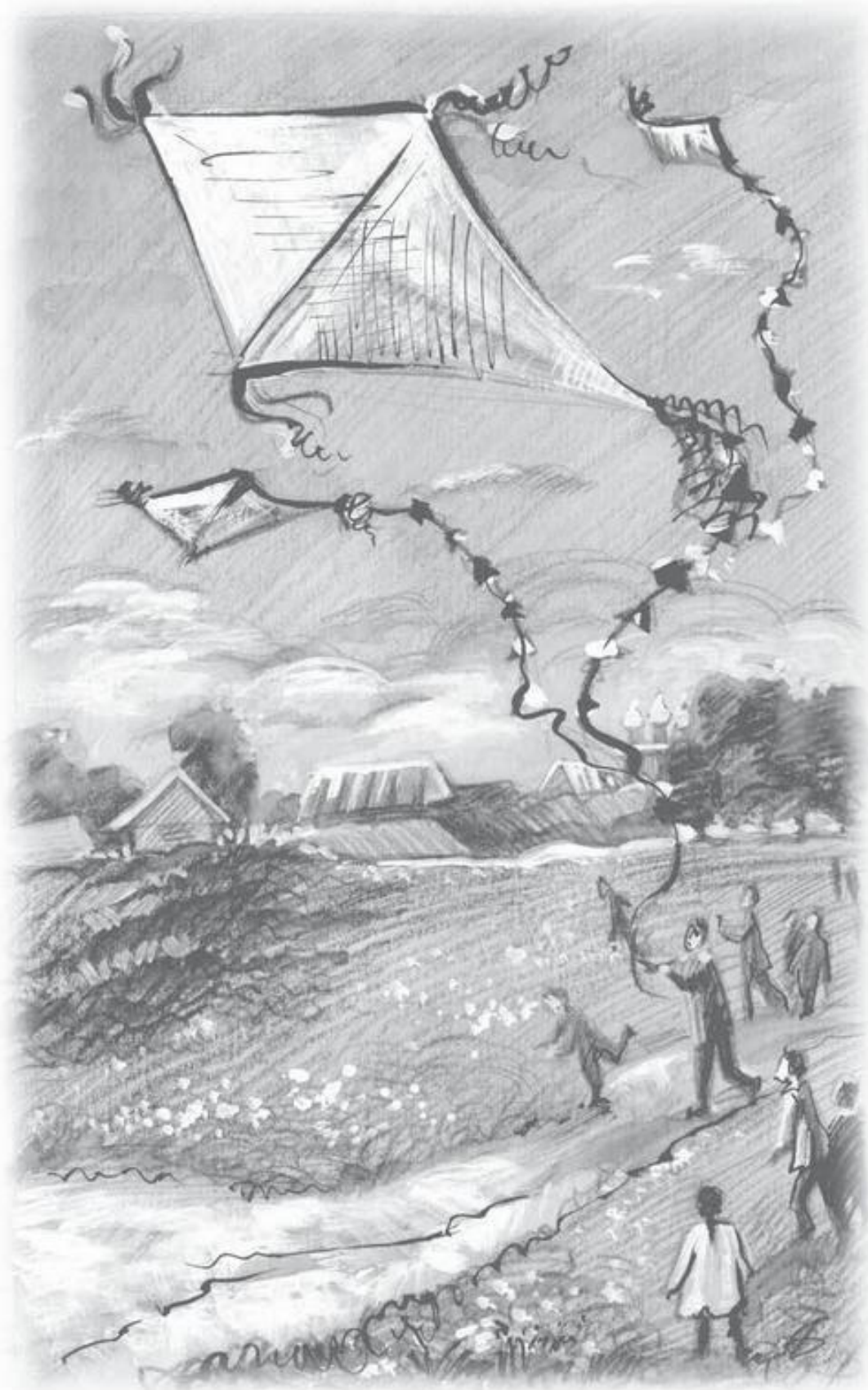
– Вот и отлично! Держи, голубчик Игнатий. Небось, знаешь нашу затею?!

– Как же, Семен Васильевич! Ведь мы с вами не впервые... – и молодой парень улыбнулся по весь рот, обнажив белые зубы.

– В твоих богатырских руках, Игнаша, удержится наш Змей Горыныч...

– Верно, дяденька, что Змей Горыныч... Ишь какой! – со смехом подхватили дети.

– Отходи, Игнатий... Да полегоньку веревку отматывай, а потом, как разбежишься, так и пускай веревку скорее, – заботливо учил Семен Васильевич, держа прямо перед собой зеленого змея.

Игнатий побежал, отпуская веревку. Змей полетел...

- Летит! Вьется! Поднимается!
- Хвост, ребята, у него трещит...
- Глупый, не хвост, а трещотка...
- Ишь, вьется-то как! Небось, голубчик, домой хочется...
- Ай, упадет! Ай, упадет!
- Опять взвился...
- Ух, как высоко! Вот так забрался... Вот так поднялся... Чуть виднеется.
- Прощай, Змей Горыныч! Кланяйся там.
- Покричим ему громче.
- Прощай... Назад ворочайся... Эй, змеюшка! – кричали ребята, стоя с разинутыми

ртами.

Вдруг несколько шапок с криками «ура! ура!» полетело в воздух. Кто-то перекувырнулся от восторга, другие бегали, хохотали, хлопали в ладоши.

Долго продолжалось шумное веселье на гаванском поле. Все ребяташки поочереды носились со змеем-гигантом. Много было веселья и говору... Семену Васильевичу пора было домой. Жаль было расставаться... Змей все время держался где-то далеко-далеко, чуть ли не в самых облаках...

Потянули его к земле... Как красиво он спускался: то крутился, то держался прямо – и вдруг с жужжанием и треском грохнулся на землю.

Мальчики бережно понесли его домой, окружив «советника»... Толкам не было конца.

– Я думал, дяденька, что он у меня из рук вырвется... Дюже сильный!

– А крутился-то как! Словно ястреб, право!

– Скажи, дяденька, как ты трещотку-то приделал?

Разговоров хватило не только на этот день, а долгодолго не могли забыть ребяташки «великое змеепускание».

Сам же зеленый Змей Горыныч до нового полета очень удобно пристроился в кабинете «советника» за диваном.

Поездка на лодке

Прошло всего одно воскресенье, в которое «босоногая команда» простояла у открытого окна... Следующее за тем опять сулило новую радость неизбалованной детворе, опять взволновало всех мелких жителей 15 линии.

«Советник» надумал ехать удить рыбу на взморье со своими «босоногими мальчишками».

– Дяденька, да на чем же мы поедем? – спрашивали дети.

– Я достал хорошую лодку у знакомого, но беда в том, что не могу всех вас забрать: лодка мала, усядется не более десяти человек, а вас всех наберется до двадцати...

– Уж больно мне хочется на взморье-то! – взмолился курносый Гришка.

– Ничего не поделаешь, дружище... Я думаю, каждому из вас хочется.

– Вестимо, хочется! – хором крикнули мальчуганы.

– Мы жребий кинем... Кому выйдет счастье... А не выйдет, надо молча покориться. Остальных в другой раз возьму.

Кинули жребий. Раскрыв свой билет, Гришка загоготал и тут же у окна перекувырнулся от радости три раза. Там стояло всего одно слово «ехать».

Попал и косоглазый Андрей, который в этот день, первый раз после неприятности с Марфушей, понуря голову, подошел к окну и стоял не шелохнувшись в стороне ото всех. Черные пронизательные глаза «советника» все видели и знали, что творится в душе одинокого, озлобленного мальчугана.

– Здравствуй, Андрюша; вот и хорошо, что пришел... Бери-ка тоже билет, – ласково сказал Семен Васильевич.

Шибко застучало сердце мальчугана, когда он протянул руку к шапке. Он видел только колотушки, слышал попреки и бранные слова... Он не знал, что можно забывать дурное, любить, прощать и снова быть ласковым... Там, где он жил, за зло платили только злом. А тут вдруг вот что...

Руки его дрожали, когда он вынимал билет.

– «Ехать», – прочитали заглянувшие мальчуганы.

Андрей покраснел до слез и не мог выговорить ни слова.

– Вот и отлично! Ты приходи, Андрюша, пораньше, часов в пять утра и выйдем. Я сам уж зайду, отпрошу тебя у дяди... Для меня отпустит...

Они отплыли от берега ровно в 5 часов утра. Семен Васильевич сидел на руле, четверо мальчишек, имея по одному веслу, старательно гребли; остальные приютились тут же в лодке...

Утро было чудесное, тихое и теплое. Нева отражала ярко-синее небо и блестела от солнечного восхода... На берегу просыпалась жизнь: подымался дымок из труб, начиналась езда, ходили люди.

Лодка тихо плыла против течения...

– Как хорошо! – сказал Семен Васильевич.

– Что хорошо, дяденька? – спросил удивленный Гришка.

– Посмотри кругом... Небо такое чистое, голубое. Воздух теплый, свежий. Нева красивая и широкая. Сколько на ней судов, барок, пароходов, лодок. Сколько фабрик, домов по берегу...

Мальчишки озирались по сторонам.

Семен Васильевич взглянул на них и заметил, что они не понимают того, что чувствует он. «Бедность и тяжелая жизнь не могли нас научить любить природу и прекрасное», – казалось говорили их глаза.

– Андрюша, смотри, какой там на берегу тенистый сад, сколько там птиц чирикает по деревьям... Какая узорчатая решетка! Неправда ли, красиво?

– А мне и ни к чему, дяденька! – простодушно ответил Андрей.

Солнце уже порядком припекало, когда вся веселая компания пристала к берегу около Лахты. Перед глазами раскинулась песчаная отмель, далее – зеленый луг, а еще дальше – лесок... Лодку привязали, вытащили провизию, расположились на берегу и развели костер... С каким удовольствием закусили ребята вареными яйцами, огурцами и хлебом... Какими вкусным показался этот обед под открытым небом. Затем некоторые стали удить рыбу, другие бегали по берегу, собирали камушки и раковины, рвали цветы. Привольно и весело было на чистом воздухе, вдали от города.

– Ну что, где лучше – тут или в городе?

– Тут больно хорошо, дяденька, – хором ответили дети.

Рыжий Андрей подошел к «советнику» и дотронулся до руки... Семен Васильевич обернулся к нему. Некрасивое лицо забитого мальчика красили счастливая улыбка и какое-то особенное выражение... Старик понял эту молчаливую ласку, понял, что мальчик не умеет выразить того, что у него на душе... Он обнял его и прижал к себе.

– Что, друг Андрюша? Терпи, голубчик, и если тебя обидят, – прощай. Только сам будь добрее, легче будет...

– Дяденька, я больше не буду... – тихо-тихо прошептал Андрей, ему было отрадно и радостно в эту минуту.

– Вот я вам про то и говорю, ребятки... Как станете большими... Вот в такие-то благодатные деньки в праздники уходите подальше от города погулять. Ишь, какая благодать! Зелень, вода, птички, тишина... И на душе становится легко, и сам становишься добрее! Любуйтесь, дети, и подумайте, как чудесен Божий мир! Много в нем хорошего!

Целый день «советник» со своей «командой» провели на берегу. Варили уху. Хороша была ущица из свежей рыбки! Пекли в золе привезенный с собою картофель. Что может быть вкуснее?! Ходили в ближайший лесок, набрали там чуточку земляники, набрали все по букету цветов – «для тетеньки» и для «барышни Агнии Семеновны». Для своих домашних они связали по хорошему березовому венику.

– Либо париться... либо полы подметать... – объяснил Гришка.

Дело было к вечеру. Стали снаряжаться домой. Тут Степа очень порадовал старика.

– Смотри-ка, дяденька! – воскликнул он. – Смотри там... Будто и на самом деле... Как там любопытно... – и мальчик устремил вдаль свои задумчивые глаза, указывая рукой на взморье, где солнце скрывалось на горизонте.

Там было дивно хорошо!

Широко разлилась зеркальная поверхность едва волнующегося моря... Вдали какие-то суда распустили свои паруса и медленно двигались, маленькие лодочки сновали беспрепятственно... А яркий, огненный шар солнца, бросая во все стороны прощальные лучи, закатывался, как бы утопая за этой водной ширью.

– Ты хотел сказать, Степушка, что там очень красиво? Правда твоя! На самом деле, такой картины ни один художник нарисовать не может! Господи, как хорошо! Глаз оторвать не хочется от такой красоты! – говорил умиленный Семен Васильевич.

И как всегда день, проведенный вместе со стариком, не пропал даром: в одном заглубленном сердце вспыхнула искорка.

Степа, живя в своем темном подвале, и представить себе не мог, что можно находить радость и удовольствие при виде моря, захода солнца, кораблей с распущенными парусами или зеленого леса... Теперь он сам не понимал, что делается с ним: ему хотелось все это охватить и прижать к себе; он чувствовал в себе огромную любовь и к дяденьке, и к товарищам «босоногой команды», и к лесу, и к морю, и к заходящему солнцу.

Домой Семен Васильевич с мальчиками вернулись уже поздно – усталые, но счастливые, с целым ворохом разговоров и воспоминаний, с букетами цветов и с зелеными вениками.

Так проходило лето. Часто растворялось гостеприимное окно. И чуть ли не каждое воскресенье несло новую затею «советника» и несказанно радовало «босоногую команду».

Зимой

Стояла суровая, продолжительная зима. На улице то завывала целыми днями метель и резкий ветер крутил снежные хлопья, то трещал лютый мороз, который не щадил ни людей, ни животных.

В такие холодные дни еще тоскливее, еще непригляднее там, где гнездятся нищета да горе.

В знакомом уже нам подвале было холодно и мрачно.

Степа пришел из школы домой, закусил хлебом и задумался. Он весь дрожал от холода и прижимал к себе сестренку, у которой посинели руки и покраснел маленький нос...

– Как у нас холодно, Степа... Я очень озябла... Весь день дрожу, – жалобно проговорила девочка.

– Подожди, Аня, вот придет мама с работы, тогда лучше будет. Она обогреет нас, – говорил брат, сажая к себе на колени сестренку, укутывая ее в короткое пальтишко и дуя ей на руки.

В это время ситцевая занавеска, отделявшая угол, где сидели дети, зашевелилась, раздвинулась и из-за нее показалась голова Гриши в барашковой шапке.

– Холодно... Бр-р-р! Озяб до смерти! – дрожал он, потирая руки и ежась. – Степа, пойдем к «советнику».

Анюта улыбнулась. Лица мальчиков просветлели.

– И то правда... Нынче суббота, барышня Агния не очень рассердится. Она не любит, когда мы по будням ходим. Пойдем, возьмем и Анюту. Ишь, как она озябла. Там отогреется. А что твой отец, Гриша?

– Отец задремал. Я его всяким тряпьем, что только есть у нас, укутал. Соседка за ним присмотрит... обещала.

Дети живо собрались. К обычному костюму Гриши еще прибавились на ногах чьи-то огромные, стоптанные валенки. На улице было темно и очень морозно. Дети, ежась и дрожа от холода, то оттирая себе поминутно щеки и нос, то хлопая в ладоши, живо добежали до серенького домика.

– Постучись, Степа, – сказал Гриша.

– Нет, уж лучше ты. Я боюсь барышни.

– Я ее тоже боюсь...

Дети боязливо переминались с ноги на ногу около окна, где из-за ставня пробивалась узенькая, приветливая полоска света.

Наконец мороз дал себя знать и мальчуганы, преодолев совестливость, оба разом тихо стукнули по ставню.

В доме послышались движение, говор, скрипнула дверь и захрустел снег под окнами.

Семен Васильевич, в халате, в накинутой на плечи шинели, сам открыл калитку.

– Мое вам низжайшее почтение!

Кошку в лапти обувать

Думал я сейчас,

Да за вами посылать,

А вы тут как раз,

– шутливо приветствовал старик ребяташек.

– Здравствуй, дяденька! Мы к тебе пришли.

– Вижу, друзья мои, вижу... Очень рад. Пожалуйста, дорогие гости. Что, небось озябли?

– У нас в квартирe-то беда как холодно. Даже по полу-то замерзло, – сказал Гриша.

– Ну, идите скорее... Отогревайтесь!..

Они очутились в теплом, светлом «кабинете».

Там уже сидели двое мальчуганов, таких же горемык, как эти.

Как хорошо в комнатке Семена Васильевича! Зимние вечера проходили тут, как чудный сон!

В кабинете «советника» был неистощимый запас интересного, что всегда притягивало к себе детей. Прежде всего, конечно, сам их ласковый шутник дяденька, их добрый «советник»...

Много лет пройдет, вырастут все друзья «босоногой команды»; кто увидит радость, кто горе, разойдутся они в разные стороны, но никогда не забудут того, кто так горячо любил их, будут они вспоминать зимние вечера в кабинете, разговоры, забавы. Все это будет им светить отрадным воспоминанием из их горького, невеселого детства...

Чего-чего только не придумывал Семен Васильевич в длинные зимние вечера?! Здесь то клеили фонари, то вдруг вся компания принимались за рисование... Чаше всего рассматривали «стробоскоп» – незамысловатую игрушку, которую Семен Васильевич сам сделал. Он всегда вызывал веселый смех и шуточные замечания детей.

– Ишь, как мальчишка-то ловко наладился, лошадь за хвост, да через нее, через нее...

– Чудо, право! Смотри-ка ты на барышню... как она отплясывает ловко!.. Смотри, как перевертывается...

Стробоскоп вертелся и обманывал зрение детей.

Иногда по воскресеньям, к ужасу Агнии, начиналась всеобщая починка, как говаривал ее отец. В кабинет носили ломаную мебель, битую посуду, вообще, вещи, требовавшие ремонта.

– Одно только баловство придумывает папаша... Опять грязи не убраться, – говорила Агния.

– Ничего, Агнесочка... Сама потом благодарна будешь! – возражал старик.

При содействии «босоногой команды» на ширмы наклеивались огромные заплаты, трехногий стул являлся из кабинета на четырех ножках, битым тарелкам приклеивались края... Случалось даже, что из кабинета, будто из настоящей мастерской, выносили вновь сделанные вещи, например, скамеечку под ноги Татьяне Петровне, обитую красным ситцем, клетки для птиц, табуретки и прочее...

В маленьком сером домике свято чтили все праздники. Перед праздниками там происходили усиленная уборка и мытье, стлали чистые половики, зажигали лампы; в праздники все одевались в парадное платье, ходили в церковь, неизменно пекли пироги.

В рождественский сочельник до звезды ничего не ели, а ужинали, настлав скатерть на сено. Накануне Крещения на дверях везде ставили мелом кресты, 9 марта пекли жаворонки и запекали на счастье серебряный гривенник. В Благовещенье выпускали из клеток птиц на свободу. В Троицу квартиру убирали березками и первыми весенними цветами.

Как любят это дети; как рвались ребята к «советнику», чтобы видеть все своими глазами и, если можно, участвовать. Эти простые, милые обряды старины так красят жизнь, так радуют в детстве!..

Перед Рождеством Семен Васильевич собственноручно клеил для своей «босоногой команды» великолепную золотую звезду. Мальчуганы собирались вместе и ходили славить Христа. Сколько потом было рассказов.

– В большой красный дом не пустили... Кухарка дверью хлопнула, закричала: «Еще обвооруете»... Рядом в квартире тоже не пустили.

– В доме Иванова купец дал двугривенный и кусок булки. Давали по гривеннику и в других домах.

Но самую большую радость маленькие христовлавы вынесли из углового белого домика...

Дети – везде дети! Радости их везде одинаковы...

– Знаешь, дяденька, там мы видели огромную елку... Барышни хорошенькие-прехорошенькие, – торопился рассказать Гриша.

– Барышни такие беленькие... хоро-о-о-шенькие... Постой, Гриша, я расскажу, – перебил Степа.

– Говори по порядку, толком... Рассказывай, Степа, – заметил Семен Васильевич.

– Пришли это мы в кухню... А нас позвали к господским детям в комнату... Две барышни такие бе-е-е-еленькие, хорошенькие... Прославили мы Христа, нам дали по чашке чаю.

– Правда, дяденька, с булками и с пряниками, вставил Гриша. – Да. Такие круглые пряники. Потом барыня что-то пошептала барышням. Те и позвали нас в залу. Ну и елку мы увидели!.. Вот так елка!

– Цепи... Золотые нитки, фонарики... Сколько гостинцев навешано, и не сосчитаешь, – добавил Андрей.

– Да, дяденька... Даже сказать невозможно, сколько на елке всего висело... Вдруг старшенькая барышня взяла ножницы и срезала гостинцев с елки и всем нам дала поровну... Правда, дяденька... Мы и тебе принесли, – радостно рассказывал Степа.

В Новый год Семен Васильевич устраивал для своих мальчуганов елку у себя. Еще задолго до Рождества шли приготовления к этой елке. Елка была очень скромная, бедненькая, но тем не менее ее дожидались особенно нетерпеливо. Тут уж ни воркотня Агнии, ни ее недовольное лицо не помогали. Старик отвоевывал себе залу.

– Что это, право, мамаша, папенька и до залы добрался. На него никакие убеждения не действуют, – жаловалась Агния матери.

– Правда твоя, «принцесса», теперь такое время, что на меня ничто не подействует, – отзывался из кабинета отец. – Рождество – праздник детей, и каждый должен их чем-нибудь порадовать. В другое время я не трогаю твоей залы, а теперь она мне необходима...

В назначенный для елки день в «кабинете» собиралось до пятнадцати человек самых бедных детей...

Семен Васильевич зажигал елку, стрелял из игрушечного пистолета, кричал из какой-то свистульки петухом, потом садился за дребезжащее фортепиано и изо всей силы играл всегда один и тот же марш. Он только и знал эту пьесу.

Дети выходили в залу, но тут под взглядами Агнии и в присутствии Татьяны Петровны они чувствовали себя чужими и стесненными, были тихи и застенчивы. Елка догорала, гостинцы делились между детьми...

За стеной был милый «кабинет». Только перешагнуть порог – и свободнее дышалось, веселее лились разговоры, подымались веселый смех и шутки... Дети с радостью уходили в любимую комнатку.

Туда Татьяна Петровна приносила тарелки с колбасой и хлебом, кружки с чаем, – там происходило угощение.

В этом же самом кабинете, помимо забав и веселья, не раз решались и серьезные дела босоногих ребятишек.

В долгую жизнь «советника» множество было таких случаев, где он горячо вступался за детей.

Идет он по улице, а сам на встречных ребятишек посматривает: то драку уличную разнимет, то на няньку, которая худо держит ребенка, прикрикнет, то по голове малыша грязного погладит и леденец ему сунет...

Вся «босоногая команда» долго вспоминала, как «советник» отобрал рыжего Андрея от дяди-лавочника. Случилось это так.

Все дети стали замечать, что Андрей худеет, бледнее, жалуется на головную боль, приходит иногда с опухшими от слез глазами... На все расспросы Семена Васильевича: «Что с тобой, Андрюша? Здоров ли ты?» – «Ничего... Здоров», – было ответом.

Только раз пришел он хмурый и молчаливый... Дети стали возиться в кабинете, задели Андрея... Он вскрикнул.

– Что с тобой, говори сейчас? – серьезно спросил Семен Васильевич.

Вдруг Андрей повалился на диван и зарыдал, да так страшно, так громко с горькими причитаниями:

– Моченьки моей нет... Ой, убьют... убьют они меня... Боюсь я... боюсь!

Семен Васильевич принес воды, сел на диван, обтирал сырым полотенцем лицо несчастного мальчугана, поил его и уговаривал; он расстегнул ворот его рубашки и отшатнулся: все худенькое тело несчастного мальчугана было в синяках и царапинах.

Старик понял все. Дети молча, с ужасом смотрели на товарища, в горьких рыданиях которого слышались жалобы на сиротскую долю, на людские обиды и на нестерпимую, жгучую боль избитого тела.

– ... Тогда-то дяденька и отобрал Андрюшку, – рассказывали потом ребята. – Пожаловался на лавочника судьям. А судьи лавочника наказали: впредь не дерись так!

Андрей долго жил у Семена Васильевича, пока тот не устроил его в хорошую картонажную мастерскую.

Да, немало было таких случаев, где «советник» являлся защитником своих мальчишек, помощником «босоногой команды».

Окно закрыто

Чтобы это значило? Уже второй день «советник» не открывает окна... Уже второй день синяя занавесочка задернута, в сереньком доме тихо и печально.

Никто не видел, как «советник» прошел на службу, никто не уследил его возвращения.

Вся «босоногая команда» была в страшном волнении. Мимо закрытого окна то и дело шмыгали босоногие мальчуганы, заглядывали в окна, во двор, но ничего не могли узнать. Стучать в калитку дети не смели, они сообразили, что в доме «советника» случилось что-то недоброе.

Только к вечеру второго дня Гриша объявил Степе, что он видел, как к дому «советника» подъехал «серьезный господин с долгим носом, в очках и с зонтиком!»

– В очках, – ну, доктор... Значит, болен дяденька, – тихо, прерывающимся голосом объяснил Степа.

– Очень похоже на доктора... И длинный нос, и очки, – решил Гриша.

Почему он имел такое представление о докторе, неизвестно.

– Окно закрыто. «Советник» болен, – пронеслось по 15 линии.

Надо было видеть «босоногую команду»! Надо было заглянуть в души ребят!..

Закрыто гостеприимное, милое окно. Болен тот, кто красит и радуется их бедное, невеселое детство, тот, кто любит, учит и балует их, уличных, босоногих ребятишек...

Если это окно больше не откроется, то где для них найдется такое окно? Вряд ли еще найдется!

– Кому могут быть приятны разговоры и возня с грязными мальчишками? – говорила Агния.

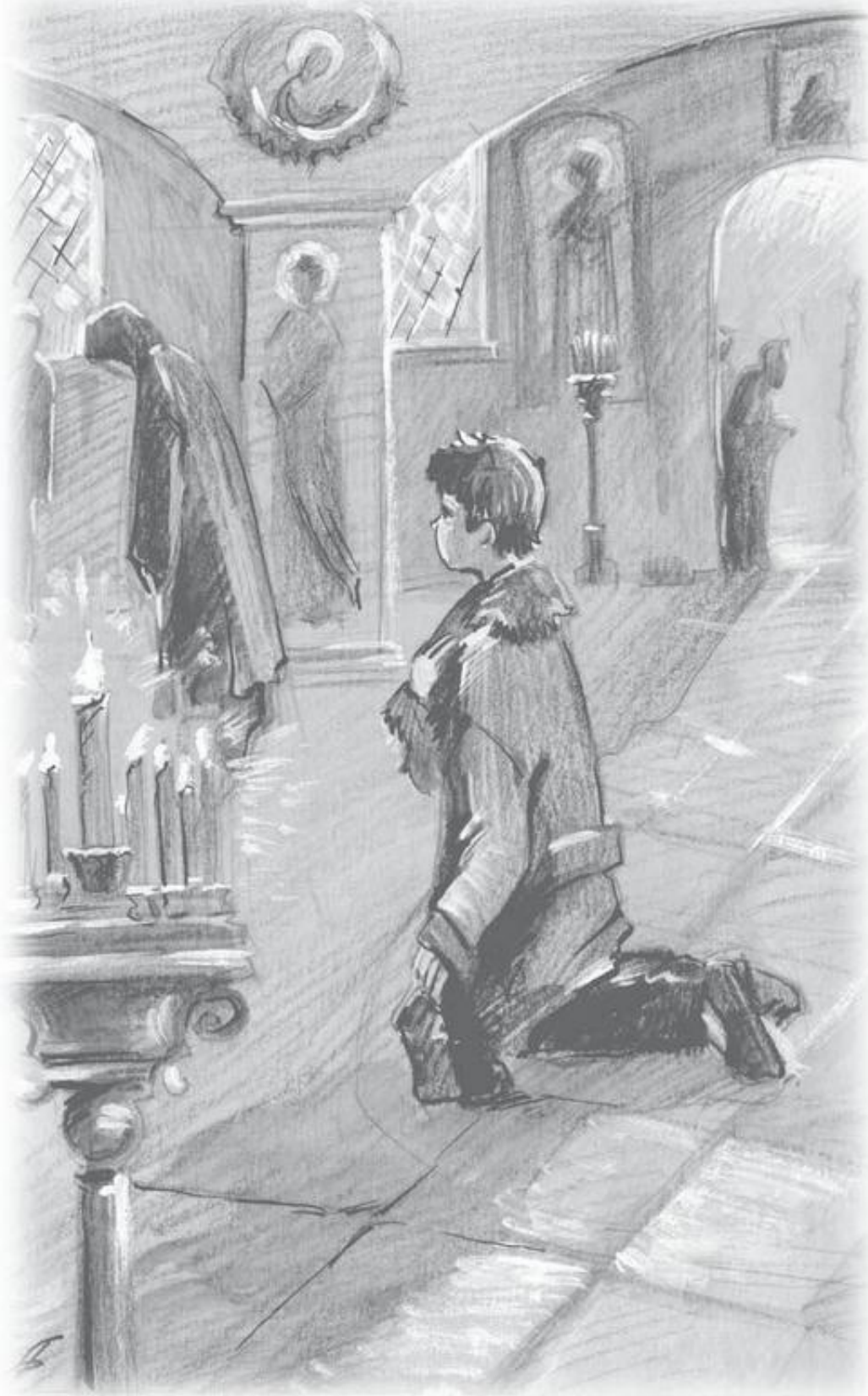
– Эх, матушка, точно дети не все равны! – возражал ей, бывало, Семен Васильевич. – Как будто между чистенькими, нарядными детьми нет злых, жадных, капризных? А между бедными, посмотри-ка, есть какие славные: мой смелый, правдивый Гриша, ласковый, тихий Степа, добрая Марфуша... Грязных-то да босоногих и пожалеть некому. Так-то!

Дети думали и горевали о «советнике» и выражали это по-своему.

«Дяденька, голубчик, каково-то тебе?» – мелькало в голове Степы.

Гриша в первое же воскресенье в церкви, куда обычно ходил Семен Васильевич, перед образом Спаса положил три земных поклона и прошептал:

– Господи, спаси и сохрани раба Божия Симеона.

Андрей, Степа и Гриша каждую свободную минуту простаивали около дома, где жил «советник», желая узнать, что случилось с дяденькой.
Лето в том году стояло холодное и дождливое.

Как-то раз под вечер калитка дома скрипнула и отворилась. Из нее выбежала Агния, очевидно, впопыхах, расстроенная: на голове ее был накинута большой ковровый платок... Первое, что ей бросилось в глаза в этот холодный сырой вечер, были три детские фигурки... Они жались к забору.

«Папашины мальчишки... – догадалась девушка. – Что они тут делают? Зачем стоят у забора в такую погоду?»

– Папаша очень болен... Понимаете?.. Навряд ли поправится, – сказала Агния и голос ее оборвался.

Он звучал теперь глухо, без резких и крикливых нот.

Ответом ей было тихое рыдание у забора... Снова чье-то всхлипывание... Еще... Громче и громче... Босоногие мальчишки прижались друг к другу и заплакали навзрыд.

Гордая девушка сама не сознавала, как оказалась около ребят. Она порывисто погладила их по головам и тоже заплакала... Прорвалась холодная внешность, – Агния по-своему любила старика-отца, жалела его, понимала его чистую душу, но по природе была молчалива и холодна.

– Не плачьте... Полноте... Бог даст, папеньке лучше станет... Не плачьте, – твердила она, отирая обильные слезы. – Что же это я?! – спохватилась вдруг девушка, и ей стало совестно за свою слабость. – Я в аптеку иду... Тороплюсь! – проговорила она и пошла по дороге.

– Барышня, не ходите... Дайте я скорехонько сбегаю, – предложил, догнав ее, Андрей.

– А не то я мигом слетаю, – заявил тут же Гриша.

– Отлично... Сбегайте... Да подождите, пока лекарство приготовят. А я скорее к папаше пойду...

С тех пор, как только Татьяна Петровна или Агния отворяли калитку, около них как из-под земли вырастал который-нибудь из мальчуганов, готовый помочь и услужить. Дети с радостью делали все, что им приказывали, вели себя также вежливо и тихо, что даже Агния не находила возможности, чтобы упрекнуть или придраться к кому-нибудь из них.

Семен Васильевич был болен очень опасно. Домашние его переходили от тревоги к надежде, от надежды— снова к страху.

«Босоногая команда» бродила осиротелая, как бы потерянная. Никто не интересовался уличными грязными ребятами.

– Папаша совсем плох... – со страхом проговорила раз вечером Агния Андрею и Степе, заглянув за калитку.

Опять потянулись тяжелые дни мучительного ожидания...

* * *

Тот памятный день поздней осени выдался на славу – ясный и теплый... Словно вернулось красное лето. Весело, громко чирикали еще не улетевшие птицы... Пожелтевшие деревья приветливо покачивали своими вершинками. Точно все обрадовались хорошему дню.

А по 15 линии пронесся радостный возглас: – «Советник» открыл окно!

Услышав это, все друзья «босоногой команды», не помня себя от радости, бежали по направлению к серому домику с зелеными ставнями.

Да, «советник» открыл окно и сидел в кресле, посматривая на улицу. Он очень похудел, был бледен и слаб, в волосах еще прибавилось седины, но в черных приветливых глазах светилась та же молодая душа, та же чистая любовь.

К окну подбежали Гриша, Степа, Андрей, Марфуша и другие...

– Друзья «босоногой ком...» – хотел было пошутить Семен Васильевич, но голос его задрожал и на глазах навернулись слезы.

– Милые мои!.. Здравствуйте! Как я рад вас видеть! Опять вы около меня...

Дети молчали и долго смотрели на «советника» затаив дыхание.

– Дяденька, опять... Опять ты здоров... – прошептал Гриша и не мог продолжать от радости.

– Дяденька, какой ты стал худой, – с грустью протянула Марфуша.

– Уж мы-то как боялись, – мрачно заявил Андрей.

А Степа не долго думая влез в окно, прижался к Семену Васильевичу и заплакал от радости.

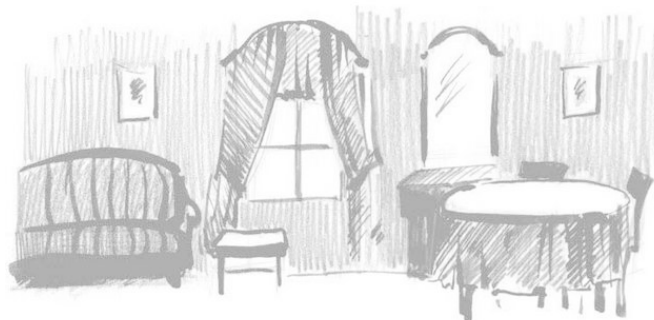
Снова открылось окно «советника».

Радуйся, «босоногая команда»!

Дядюшка – флейтист Повесть

Неудачная просьба

Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую голубую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством. Мягкий диван и два кресла были обиты красным ситцем с большими желтыми букетами; перед диваном стоял круглый стол с узорчатой клеенкой; между окнами висело небольшое зеркало, приютился столик с высокими стеклянными подсвечниками, на которых красовались огромные бумажные розетки в форме розанов. На стенах висели олеографии в узеньких золоченых рамках: на двух были изображены дети с собачками – один плачет, другой смеется; на других картинах были необыкновенно яркие пейзажи. Тут же в комнате у стены стояло старинное фортепиано с бронзовыми ручками и этажерка, покрытая пестрой вязаной салфеткой; этажерку украшали чайные чашки, вероятно дареные в именины, масленка в виде огурца, серебряная солонка и несколько дешевеньких статуэток; на окнах из-за тюлевых занавесок виднелись тощая герань и фуксии. Квартира была тесная, с низкими потолками, где-то на окраине города, в одном из тех небольших деревянных домов, где ютятся бедняки, всю жизнь проводящие за тяжелым трудом.

Марья Ивановна, засветив лампу, стала накрывать на стол. Это была женщина высокая, полная, с красным лоснящимся лицом, покрытым веснушками, движения ее, несмотря на полноту, были быстрые, манеры решительные. Она проворно гремела чашками и ложками, двигала столом и стульями, затем поспешно скрылась из комнаты и бегом вернулась с гулко кипящим самоваром; потом грузно опустилась на стул, заварила чай и, сложив на груди руки, задумалась.

В углу за диваном что-то зашуршало и грохнуло на пол.

Марья Ивановна вздрогнула и обернулась.

– Фу, как ты меня испугала! Я совсем о тебе забыла. Чего ты там возишься?! – недовольным тоном проговорила она.

– Я, тетенька, катушку уронила, – послышался тихий ответ; из-за дивана выглянуло худенькое личико с остриженными под гребенку белокурыми волосами и вдумчивыми большими глазами, над которыми резко выделялись темные, приподнятые брови, придававшие лицу выражение не то испуга, не то удивления.

– Липочка! Петр Васильевич! Идите чай пить! – низким, грудным голосом кликнула Марья Ивановна, не обращая больше внимания на выглянувшую из-за дивана девочку.

За тоненькой перегородкой послышалось движение. Отворилась дверь, и вошла молодая девушка – полная, черноглазая, как две капли воды похожая на сидевшую за столом женщину;

девушка была в широком розовом ситцевом капоте; волосы ее на лбу были завиты в бумажные папильотки. Она поспешно подошла к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое лицо.

Из-за дивна на смотревшуюся девушку устремились любознательные детские глаза. «Это Липочка опять на свой нос смотрит», – мелькнуло в белокурой стриженной голове.

– Ах, это противное, кривое зеркало! Ну когда вы, мамаша, соберетесь купить хорошее? Своего лица узнать нельзя! – проговорила черноглазая девушка.

– Подожди милая. Вот когда твой батюшка свою роденьку с рук спустит... тогда можно будет и о наших удобствах подумать... тогда и зеркало тебе купим.

– Смотрите, мама! Какая досада! Опять отчего-то у меня нос краснеет... Что я стану делать?!

– Помажь на ночь кольд-кремом, – посоветовала мать.

Молодая девушка развалистой походкой подошла к столу, села удобно на диван и отложила себе с сухарницы половину булок.

– Не осталось ли у нас, мамаша, ливерной колбасы да вареньица? – спросила она гнусливым голосом, положив небрежно локти на стол.

Мать ласково улыбнулась.

– Ишь ты лакомка! Избаловала я тебя! Так и знала, что за чаем попросишь... Конечно, припрятала...

Она поднялась, достала из шкапа кусочек колбасы, чашку с отбитой ручкой и отдала все дочери.

– Петр Васильевич, да иди же чай пить! Наталья, бери свою кружку! – сказала Марья Ивановна, отставляя на край стола желтую кружку и откладывая ломтик хлеба, два сухаря и кусочек сахару.

Наташа вышла из-за дивана. Это была бледная, худенькая девочка лет семи – восьми, одетая в какой-то старый, длинный балахон и в стоптанные туфли. Она, робко ступая по полу, тихо подошла к столу, взяла кружку и снесла ее на стул, к которому заранее подставила скамеечку. Девочка стала пить чай, жадно поглядывая на Липу и провожая глазами каждый кусок булки, который та, обмакнув в варенье, подносила ко рту, хотелось ли ребенку попробовать вкусного или ее занимало чавканье девушки – так и осталось невысказанным.

В это время вошел высокий белокурый господин в очках, худощавый, сутуловатый. Из всех присутствующих только маленькая девочка поразительно походила на него. Вошедший устало потянулся, протер очки, жмуря глаза, и затем глубоко, болезненно вздохнул на всю комнату.

– Фу, как устал! – вырвалось у него.

– Садись чай пить, – сказала Марья Ивановна.

– погоди, дай немножко в себя прийти от этой каторжной работы.

Он стал ходить взад и вперед по комнате, потирая руки, проходя мимо Наташи, взглянув украдкой на сидевших за столом, он порывисто погладил девочку по стриженной голове.

– Машенька, налей Наташе еще чайку, – тихо сказал он.

– Что у нее языка что ли нет? Наталья, что же ты не спросишь? Хочешь?

– Позвольте, пожалуйста, тетенька, – заученным тоном ответила девочка, подходя с кружкой к столу.

– Может, ей булочки еще хочется? – начал было Петр Васильевич.

– Пожалуйста, не беспокойся... – перебила его жена. – Она получила всего в волю...
Разве полезно наедаться на ночь? Ты не вмешивайся: твою племянницу не обидят.

Петр Васильевич стал пить чай. Он был молчалив, печален; между бровями у него лежали глубокие морщины – свидетельницы тяжелых дум, пальцы его нервно барабанили по столу.

В комнате наступило молчание.

Черноглазая Липа с аппетитом допивала уже третью или четвертую чашку чаю.

– Мама, да нет ли у нас еще кусочка булки? – спросила она, заглядывая в чашку с отбитой ручкой.

Булка оказалась припрятанной и девушка стала ее намазывать остатками варенья.

Петр Васильевич тряхнул решительно волосами и взглянул на жену.

– Машенька... Вот... я давно все хочу поговорить с тобой, – начал он каким-то заискивающим тоном.

– Насчет чего это? – удивилась Марья Ивановна.

Липа перестала жевать и смотрела на отца.

– Да насчет Коли...

– Что еще приключилось с твоим полупомешанным братцем?

– Надо бы его взять к нам...

– Этого не доставало!!! Ты, кажется, намерен всю свою милую роденьку поселить здесь!

Тогда и мне с дочерью места не хватит!

– Ужасно жаль Колю! Больной, одинокий, бедствует... Одежды нет... А теперь морозы наступают... Помогать же мне ему решительно не из чего...

– Поменьше бы пил!.. Да место себе сыскал бы... Еще бы ты вздумал на сорок рублей жалованья всех своих родственников содержать! И без того тянемся для них из сил, себе во всем отказываем...

– Нельзя же, Машенька, жить только для себя. Положим, мы люди бедные, помогать много не из чего... Так хоть для близких сделаем по возможности...

– Мало мы еще делаем! – взвизгнула Марья Ивановна. – Вот твоя племянница два года живет! Разве она нам мало стоит? А у нас дочь взрослая... Молоденькой девушке и того и другого хочется... А мы ей даже зеркальца приличного не можем купить...

– Коля немного стоил бы и не помешал бы вам... Он человек недурной и в доме помог бы.

– Ну да!!! Напьется, того и гляди, квартиру спалит, набуянит... Мало ли что может натворить!

– Что ты, Машенька! Он как ягненок, тихий... Конечно, это несчастье с ним случается, выпьет... В семье его скорее остановить, удержать можно... Да и денег у него теперь нет... Если он выпьет, то молчит, сейчас спать ложится... Ты не бойся, я его уговаривать стану: не смеет он.

– Где ж вы, папа, поместить хотите почтенного дядюшку? – спросила Липа.

– Можно, пожалуй, у меня в комнате...

– У тебя нельзя. Самому повернуться негде! – резко сказала жена.

– Ну, хоть в кухне ему уголок отвести: он не требовательный, его судьба не баловала...

– Уж увольте, папа. Мне в кухню тогда и выйти нельзя будет: вечно одевайся, стесняйся...

В своей квартире покою не будет!

– Нет, нет! Как хочешь... Я не согласна взять сюда еще твоего идиота братца. Довольно! Я не соглашаюсь! – крикливо проговорила Марья Ивановна.

– Люди животных жалеют... А для человека, для моего родного брата, у нас ни угла, ни куска хлеба, значит, нет? Он, голодный, нищий, будет умирать зимой под забором, а мы станем спокойно смотреть? Так что ли? Спасибо, жена!

Петр Васильевич встал; он весь трясся, говорил задыхающимся голосом, раскрасневшись и ероша волосы.

– Сделай, пожалуйста, одолжение! Зови сюда своего Коленку и всю твою милую роденьку. Только уж мы с дочерью уедем, – язвительно проговорила жена, поднимаясь и унося самовар.

Петр Васильевич прошел в свою комнату, стиснув руками голову.

– Ах, эта злополучная судьба! Забила ты нас всех! – громко проговорил он там.

– Вот еще что выдумал! – шипела Марья Ивановна, обращаясь в Липе. – Сами бедствуем... А тут корми всех его дармоедов родственничков.

– Не соглашайтесь, мама, – шепотом отвечала дочь, подошла к зеркалу, зажгла свечу и стала опять рассматривать свое лицо.

– Твоего почтенного дядюшку и в квартире-то совестно держать. Такой оборванец, точно нищий. Вообще, вся родня твоего папеньки... одно несчастье!

– Ш – ш-ш-ш-ш, мама, тише... «У наших ушки на макушке», – Липа подмигнула на Наташу.

– Ну что она, глупая, смыслит? – возразила мать, убирая чайную посуду.

– Мамаша, купите мне завтра к чаю ливерной колбасы, – попросила Липа.

– Хорошо, милая, куплю.

– Да сварили бы вы к обеду борщ со свининкой. Так хочется.

– Хорошо, хорошо... Дорога нынче свинина-то... Я и то приценялась – знаю, что ты любишь. Завтра пораньше на рынок пойду.

– Наталья, ну чего ты глазеешь? Укладывайся спать! – сказала Липа, а сама еще ближе придвинулась к зеркалу и стала мазать кольд-кремом нос.

Маленькие уши и пытливые глаза

А маленькие детские уши все слышали, пытливые серьезные глаза видели все, и стриженная голова думала много-много...

В небольшой квартире Петровых все затихло. Из-за перегородки слышался ровный, звучный храп хозяйки, а из комнаты хозяина – шуршанье бумаги да скрип пера.

Наташа ворочалась на диване и никак не могла заснуть. Она все думала об этом «Коле», из-за которого сегодня поссорилась тетка с дядей и которого тетя Маша называла то «полупомешанный братец», то «дядюшка-идиот», то «почтенный родственник». В голове девочки неотступно стояли слова: «Он больной, одинокий, несчастный. Люди животных жалеют, а родной брат умирает зимой под забором...» Наташа как будто видит пред собою этого несчастного... Из-за него сегодня у дяди Пети показались на глазах слезы, когда он просил взять его на кухню. И чего тетенька и Липочка не согласились? Какие безжалостные! Неужели им все равно? Девочке так его жаль, что маленькое сердчишко тревожно стучит и сжимается болью, а призрак этого одинокого, голодного дядюшки не дает ей заснуть целую ночь.

Наташа видела его два раза, когда он приходил к Петровым на кухню. Он очень походил на дядю Петю, только голову держал как-то странно, набок, и не мог выпрямить да правую ногу беспомощно волочил за собою. «Почтенный дядюшка» был маленького роста, с белокурой бородкой, кроткими, голубыми глазами и, должно быть, не очень еще старый. Обедал он всегда на кухне, и когда тетенька выходила, то дядюшка поспешно вскакивал с табурета, суетился, дрожащими руками хватал посуду, предлагал ее помыть, поддерживал тетю Машу под локти и говорил: «Тихохонько, осторожнее, Марья Ивановна, не оступитесь». При этом он весь сгибался, говорил тихо, и губы его дрожали. Тетя Маша с ним никогда ничего не говорила, даже не смотрела на него.

Видела Наташа, как раз дядя Петя сунул «почтенному дядюшке» две папироски и серебряную монету, а тот так торопливо все спрятал, точно боялся, что у него это отнимут.

Лежит Наташа на диване и думает, думает без конца... Вспоминает она, как дядя Петя говаривал не раз, что они все неудачники, что судьба забила его, Колю и Мишу – покойного отца девочки. Эта самая судьба представлялась ребенку в виде полной, высокой бабы, которая своими большими, толстыми руками немилосердно колотила дядю Петю, Колю и Наташина папу. Девочке было их жаль, хотелось бы отнять от этой злой бабы, но что она, маленькая и слабая, могла сделать? Уткнувшись в свою жесткую подушку, Наташа начинала беспомощно тихо плакать.

Наташа была сирота. Матери она не знала: та умерла, когда Наташа появилась на свет. Жизнь малютки-девочки с больным отцом была нерадостная. Наташа не знала ласк и любви матери и не видела счастливого детства. Она была очень болезненная, молчаливая, апатичная... Отец любил ее, по-своему жалел, но рано покинул этот мир. Два года тому назад его не стало, и перед смертью он умолял брата Петра не покидать бедную сироту, у которой не было ни души на свете.

Дядя Петя взял малютку и привез ее в свою семью. Марья Ивановна тогда очень сердилась и ни за что не хотела оставить у себя Наташу.

– Пожалей, Машенька, сиротку... – умолял Петр Васильевич. – Я брату перед смертью обещал... Не исполнить такой обет – грешно! Нас Господь накажет! У девочки никого нет на свете. Не на улице же ее бросить! Подержим недолго. Я стану хлопотать в казенное место поместить.

Девочку оставили в семье.

Тетка и Липа не обижали Наташу, т. е. не морили ее голодом, не били, не мучили. Но ведь бывают иные обиды, такие же горькие и чувствительные. Наташу не любили, не жалели, угнетали нравственно; она была в семье лишняя, нежеланная...

– Чего ты тут под ногами вертишься? Отойди, сядь в сторону! – кричала тетка, если девочка попадалась ей на дороге. – Не греми, сиди тише, – говорила она, если Наташа нечаянно производила шум.

– Пожалуйста, не приставай с твоими глупыми вопросами! – обрывала девочку Липа при малейшей попытке говорить. – Ну, чего ты на меня так смотришь? Ведь я не картина! – вдруг набрасывалась она, заметив устремленные на нее большие детские глаза.

Тихо, точно тень, бродила маленькая Наташа по квартире, но всего чаще она сидела за диваном на скамеечке и молча наблюдала за происходившим в доме.

Тетка и Липа считали Наташу глупой, чуть ли не дурочкой. Но если бы они когда-нибудь могли заглянуть в ее маленькую душу, поинтересовались бы, о чем молят ее большие грустные глаза, прислушались бы хоть раз к сиротским слезам в длинные зимние ночи!

Наташа росла, как былинка в поле: до нее никому не было дела. Утром она тихо вставала, сама мылась, одевалась в какое-то старье. Девочку ничему не учили, никто с ней не разговаривал; она знала твердо одно, что ей никогда ничего не позволяют. Если ее посылали в лавку или в булочную, то она шла, оглядываясь по сторонам, и спешила как можно скорее домой, – она была очень пуглива, страшилась уличного шума и даже боялась людей.

Если Наташа заболела, то ее укладывали в кухне на сундук. Она лежала целыми днями одна, без жалоб, без просьб.

Был, правда, один человек, который как будто и жалел сиротку: дядя Петя изредка украдкой гладил Наташу по голове и просил для нее чего-нибудь у Марьи Ивановны. Но маленькая стриженная головка рано привыкла за всем наблюдать, все обсуждать по-своему. Наташа давно решила в своем умишке, что дядя Петя боится тети Маши и делает все так, как она хочет, а что тетя Маша делает все так, как хочет Липа. «За что обе они терпеть не могут родню дяди Пети? За что?» – спрашивала себя девочка и не находила ответа.

Жизнь в маленькой квартире шла изо дня в день однообразно, пусто и бессодержательно. Такая жизнь там, где есть молодые девушки, уже отходит в область преданий. Теперь молодые девушки стремятся быть полезными, учиться чему-нибудь, трудиться для своих и чужих по мере сил, сделать жизнь по возможности приятнее и счастливее. Липа же представляла собою жалкое исключение: целыми днями она или сидела у окна и что-нибудь жевала, или смотрелась в зеркало, или лежала с книгой на диване... Она полнела, скучала и придиралась к Наташе. А между тем, девушка училась в школе и могла бы жить счастливо, с пользой, и других сделать счастливыми, хотя бы ту же маленькую Наташу...

Лишь изредка молодая девушка принималась делать какие-нибудь никому ненужные бумажные розетки или садилась за рояль.

Наташа выглядывала из-за дивана и за всем наблюдала, даже многое умела угадать. «Сейчас Липочка будет прієрь дивієрь (Молитву Девы) играть», – соображала девочка, если двоюродная сестра особенно грациозно поднимала над фортепиано руки. Липа всегда играла одну и ту же пьесу, твердо знакомую Наташе с мудреным названием «прієрь дивієрь», как говорила девушка. Иногда Липа откидывала голову назад и поднимала глаза к потолку.

– Сейчас петь будет: «Люди добрые внемлите печали сердца моего», – догадывалась Наташа, и не ошибалась.

Так и тянулась эта пустая жизнь.

Петр Васильевич ходил на службу куда-то в канцелярию и работал с утра до ночи. Марья Ивановна хозяйничала дома: ходила на рынок, стряпала, стирала, гладила, шила и не могла наглядеться на свою любимицу Липочку.

Однообразие жизни Петровых нарушалось изредка, когда они уходили в гости или когда к ним собирались знакомые в торжественные дни. В ожидании гостей в маленькой квартире происходил разгром: все убрали, мыли, стряпали, переносили мебель из комнаты в комнату. Вечером приходили гости. Наташа, одетая почище, в платье, которое ей было по росту, должна была обносить гостей булками. Это были торжественные, неизгладимые из памяти минуты! Как боялась девочка сделать что-нибудь не так. Вытянув худенькую шею, приподняв голову, покрасневшись, как зарево, она трепетавшими руками держала перед собой сухарницу с нарезанными булками и степенно шла за теткой, обносившей гостей чаем.

– Славная у вас девочка! – говорил кто-нибудь из гостей, погладив Наташу по голове.

– Это у нас сиротка, племянница мужа живет. Нельзя бросить – вот и растим, воспитываем, жалеем, – нежным голосом отвечала тетя Маша.

– Вас Господь наградит за то, что сироту не покидаете, – говорили гости и снова гладили Наташу по голове, иногда даже целовали в щечку.

Других ласк девочка не видала в жизни и после этих вечеров долго находились как бы в тумане под влиянием радостного воспоминания.

Сидя за диваном или засыпая вечером, Наташа слагала в своей головке нескончаемые мечты и желания. «Когда я вырасту большая, – фантазировала она, – я найму себе точно такую же квартиру, как у тети Маши, и куплю себе точно такую же мебель, посуду и фортепиано и все... Стану играть «прієрь дивієрь» и петь «Люди добрые, внимлите печали сердца моего»... Затем позову к себе много-много гостей».

Девочке очень не хотелось бы приглашать тетеньку и Липочку, но на такой своевольный поступок она не решалась.

«Приглашу к себе в гости дядю Петю, тетю Машу и Липочку, куплю поджаристого ситнаго, ливерной колбасы и варенья – черной смородины... много-много... Липочка любит», – мечтала Наташа.

Она хотела в будущем подавить своей щедростью родственников, вероятно оттого, что ее всегда обделяли сладкими кусочками.

Впрочем, детские мечты не уходят дальше обыденной жизни, в которой растет маленький человек. За последнее время Наташа мечтала более всего о том, что, когда она вырастет большая, первым делом возьмет к себе жить «почтенного дядюшку», даст ему много есть и позволит спать в зале на диване, а не в кухне. «Куплю ему такое же пальто и шляпу, как у дяди Пети», – твердо решала Наташа.

Новый жилец

Совершенно неожиданно для себя и для других «почтенный дядюшка» был водворен на жительство в кухне Петровых.

Случилось это вот по какому поводу. Раз ночью Наташа, спавшая очень чутко, услышала какой-то странный шорох в прихожей: кто-то осторожно шевелил ручкой и будто что-то строгал. Девочка испугалась, приподнялась на диване и стала прислушиваться... Да, положительно кто-то дергал дверную ручку...

– Тетенька! Тетя Маша! Дядя Петя! – замирающим от страха голосом окликнула Наташа, спустив босые ноги с дивана.

Ответа не последовало. Девочка ощупью пробралась в комнату тетки и, дрожа, как в лихорадке, проговорила: —Тетя Маша, проснитесь!

– Что случилось? Чего тебе не спится? – послышался недовольный сонный голос.

– Тетенька, там в прихожей... Там кто-то стучит...

– Кто еще стучит? Чудится тебе!

– Нет, правда... Вот послушайте сами...

Обе замолчали. В прихожей явственно слышались какое-то глухое царапанье и осторожный стук.

Хозяйка быстро вскочила с кровати, надела туфли, накинула капот и на цыпочках пошла к мужу.

– Не шуми, – сказала она Наташе.

В комнате Петра Васильевича чиркнула спичка и засветился огонь. Наташа как тень скользнула в залу и видела, что дядя, в халате и со свечой в руках, прошел в прихожую.

– Кто там? – громко спросил он у двери.

Никто не ответил.

– Кто же там? – повторил он еще громче.

Опять молчание.

Петр Васильевич быстро отворил дверь в длинные узкие сени и, держа перед собой свечу, прошел до выходной на улицу двери.

Тетка и Наташа стояли в прихожей.

Петр Васильевич обернулся назад. И тут произошло нечто ужасное. Дядя Петя внезапно остановился, побледнел как полотно, рука его со свечей сильно дрогнула. Широко раскрытыми глазами он уставился на что-то страшное, скрывавшееся за дверью, не видное стоявшим в прихожей женщинам.

В то же мгновение мимо Петра Васильевича шмыгнул рослый оборванец детина, вырвал у него подсвечник, толкнул дядю Петю в грудь и скрылся.

Марья Ивановна и Наташа вскрикнули. Из спальни прибежала Липа. Петр Васильевич опомнился. Началась невообразимая суматоха: стучали к соседям, бегали за дворником, судили и рядили, а оборванца, конечно, давно и след простыл. Было ясно, что не с добрыми намерениями хотел проникнуть ночью этот человек в запертую квартиру: ручка у двери оказалась попорченной, и замок почти выколочен. Впрочем, на этот раз, благодаря чуткому сну Наташи, все обошлось благополучно, и все отделались только испугом.

Петровы не могли заснуть до рассвета и всю ночь только и говорили об ужасном происшествии. Сердце Марьи Ивановны смягчилось, и она сказала мужу:

– Петр Васильевич, пожалуй, пусть уж твой брат переедет к нам. Устроим его в кухне... Ты часто по вечерам ходишь в канцелярию... Пожалуй, опять заберется вор... Страшно ведь! Конечно, будет нелегко: взрослый человек в семье дорого стоит... Ну, да уж что делать! Доброе дело вознаградится...

На том и порешили. Даже Липа не возражала, так она была перепугана ночным происшествием.

На другой день к вечеру на кухне поселился новый жилец.

Наташа видела, как пришел Николай Васильевич с небольшим узелком в руках, в порывелом, заплатадном, узком пальто с короткими рукавами; на шее был намотан темный шарф, на голове одета полярковая с широкими полями шляпа. Вид у него был крайне сконфуженный, и он на цыпочках пробрался в кухню.

– Что же, Машенька, Коля будет на кухне обедать? – спросил Петр Васильевич жену.

Та сделала изумленное лицо.

– Вот вопрос?! Конечно. Не за стол же сажать его с собой?!

И вот в маленькой квартирке потекла иная жизнь, за которой следили любознательные детские глаза.

Наташа часто подолгу рассматривала «почтенного дядюшку». Вероятно, он был болен: глаза у него были такие грустные, голова – всегда набок, что придавало ему умоляющий вид; на шее был намотан большой шарф. Какой он был тихий, безответный, услужливый; с какой готовностью он делал все, что ему приказывала Марья Ивановна: ходил в лавку, убирал посуду, ставил самовары, носил и колол дрова, мыл полы, даже стирал в корыте белье.

Марья Ивановна относилась к нему с обидным пренебрежением, а Липа без злой, презрительной гримасы и видеть его не могла. А Николаю Васильевичу так хотелось услужить им. Если Липа собиралась уходить, он стремглав бежал подать ей пальто.

– Чего вы бросаетесь?! Вас не просят! Оставьте! – не глядя на него, говорила девушка, вырвала пальто и отдавала матери:

– Мама, подержите.

Николай Васильевич, сконфуженный, уходил на кухню.

Что бы ни сделал Николай Васильевич, все было не так, скверно, глупо... То начадил, то грязно вычистил посуду, то не мелко наколол дрова, то перервал, стирая, полотенца. Марья Ивановна каждый вечер пилила мужа: «Да, послал нам Бог наказание в твоём братце. Это такой идиот, ни к чему не способный. Только грязь разводит. С ним надо ангельское терпение... Моего не хватает!»

Петр Васильевич обыкновенно не возражал.

Когда Марья Ивановна бывала в хорошем расположении духа, то шутила с дочерью:

– Смотри, Липочка, твой любимец «почтенный дядюшка» идет.

– Не говорите мне про него, мама... И без того скука смертная! – тянула Липа вялым, гнусливым голосом.

– Нет, ты взгляни... Ну, разве он не душка? Ты должна быть к нему почтительна, называть его «милый дядя Коля», должна ходить с ним под ручку гулять.

– Не говорите, мама, не дразните меня, – отвечала Липа и представлялась, что обижается.

– Посмотри, Липочка, – не унималась развеселившаяся Марья Ивановна, – ну, чем не кавалер? Головка набок, ногами загребает, руки трясутся, пальто и шляпа самые модные, на шее бантик... Просто душка! Смотри, смотри...

Молодая девушка взглядывала в окно. Мать и дочь начинали громко, неудержимо смеяться.

– Вот-то уродина! – говорила Липа, презрительно отворачиваясь.

Наташа тоже взглядывала в окно и понять не могла, чему смеются тетка и сестра, глядя на Николая Васильевича. Он шел по мосткам из лавки и осторожно нес в одной руке чашку с огурцами, а в другой – бутылку квасу... Он, конечно, озяб в своем тонком, холодном пальто; руки его покраснели, глаза слезились. На него было больно смотреть, особенно жаль было Наташе, что он держал набок голову, так грустно смотрел и волочил ногу.

Девочка с изумлением, серьезно устремляла на хохотавших большие глаза. Ребенок еще не знал, что бессердечные люди часто смеются над бедностью, несчастьем и уродством, не знала Наташа и того, что по смеху можно узнать характер человека и что нет ничего отвратительнее бессмысленного смеха.

Марья Ивановна несколько раз выгоняла племянницу из кухни, когда та стояла там, глядя на Николая Васильевича, и порывалась с ним заговорить.

– Не смей ходить на кухню! – кричала она. – Чего ты глазеешь на этого идиота? Вот он тебя поколотит. Занятия не можешь себе найти? Чтоб я не видела тебя в кухне. Надоели вы мне оба! Кажется, скоро я выгоню твоего «почтенного дядюшку».

Наташе было жаль его от всего сердца. «Лишь бы не выгнали... Пусть живет в кухне... Бедный! Умрет тогда под забором», – думала стриженная головка.

Музыкальный вечер

Как-то вечером вся семья Петровых собралась в гости.

– Наталья, ложись сейчас же при мне спать, – приказала тетка.

Девочка беспрекословно стала раздеваться.

– Николай Васильевич, а вы, смотрите, будьте осторожнее; не вздумайте уйти из дома, – проговорила хозяйка, приоткрыв в кухню дверь.

– Будьте покойны, Марья Ивановна, все будет хорошо... Пожалуйста, не тревожьте себя, – отвечал Николай Васильевич.

– Знаю я вас... Не особенно можно надеяться, – ворчала Марья Ивановна. – Петр Васильевич, внуши постороже своему милому братцу, чтобы он тут чего не натворил... Не напился бы... Чтобы уходить не смел... – шептала она мужу.

– Коля, уж ты, пожалуйста... того...сиди дома. Не выпей, храни Бог... Я надеюсь на тебя... – просил Петр Васильевич, войдя в кухню.

– Полно, Петенька... Неужели я такой беспонятливый! Вы на меня ребенка оставляете... Разве у меня совести нет? Ты не беспокойся и не думай худого... – серьезно возражал Николай Васильевич.

Марья Ивановна потушила в гостиной огонь. Все скоро ушли. Наташе было еще рано спать, и она долго ворочалась на диване, принималась мечтать, как она будет большая, и, наконец, стала дремать... Вдруг сквозь дремоту ее поразили какие-то звуки: нежные, жалобные, дрожащие, – они, казалось, неслись из кухни.

Девочка приподнялась и села на диване. Звуки затихли. Что это такое было? Вот опять! Как жалобно, как хорошо кто-то играет? Да, замирающая, тихая музыка несется из кухни. Сильнейшее, непреодолимое любопытство овладело Наташею. Она встала, проворно оделась и, крадучись в темноте, неслышными шагами пробралась к дверям кухни, остановилась у щелки и замерла в одной позе.

На кухонном столе горела маленькая лампа, стояла кастрюля, а к кастрюле была прислонена узкая тетрадь с нотами. Николай Васильевич сидел на табуретке, держал у рта тоненькую дудочку, перебирал пальцами по отверстиям и заливался – играл с увлечением. То, пригнув низко голову, он пристально смотрел в тетрадь и покачивался из стороны в сторону, то отки-

дывал голову назад и играл с закрытыми глазами, то приподнимался на табурете и вытягивал тонкую, дрожащую ногу.

Наташа никогда еще не слыхивала такой музыки. «Точно птица поет», – думала она, затаив дыхание, полуоткрыв рот и не сводя восторженных глаз с музыканта. А тот, казалось, забыл весь мир и играл песню за песней. Флейта точно плакала; затаенная грусть и жалоба звучали в ее тихих, нежных переливах, и у самого флейтиста капали из глаз слезы.

Вот он кончил, подперев рукой голову, задумался и стал отирать красным ситцевым платком глаза.

В эту минуту Наташа оступилась и стукнулась нечаянно о дверь. Николай Васильевич перепугался, точно его застали на месте преступления, завернул флейту в платок и бросился к дверям.

– Наташенька! Это вы? Простите! Я вас разбудил? Пожалуйста, простите! – растерянно бормотал он.

– Я... ничего... Так... Только послушала, – испуганно твердила девочка, отступая назад.

– Я думал, вы крепко заснули... Соскучился... Немножко поиграл...

– Нет, я не спала... Я все слушала.

Оба смешались и не знали, что говорить.

– Простите, Наташенька! Экий я, право! Разбудил вас... – начал опять Николай Васильевич.

– Как вы хорошо играете, – сказала Наташа, оправившись.

– Что вы, Наташенька! Это я так, для себя... Я ведь совсем не умею...

– Вы очень, очень хорошо играете, – повторила девочка, переступив через порог в кухню и останавливаясь у плиты.

– Я люблю поиграть... Одна в жизни улада... Скучно тоже... Выучился самоучкой... Флейту один старичок подарил... Славный был, царство ему небесное! – говорил Николай Васильевич.

– Сыграйте еще, – попросила робко девочка, подходя к кухонному столу.

– Да я с радостью... Только ведь плохо... Боюсь вот, пожалуй, наши вернутся – рассердятся.

– Они из гостей несоро приходят, – успокоила его Наташа.

Николай Васильевич перевернул тетрадку и снова заиграл. Наташа села на табурет и не спускала с него глаз. Все песни, одна другой грустнее, доходили до сердца маленькой слушательницы, вся жизнь которой была такая же грустная и заунывная.

Николай Васильевич кончил и стал бережно вытирать свою флейту.

– Теперь я все вам сыграл, Наташенька, больше ничего не знаю... Теперь вы шли бы спать... Неравно, наши вернутся, – сказал он.

– Нет, уж я лучше в кухне посижу... Тут так хорошо, – отвечала Наташа.

Наступило молчание. Дядя и племянница смотрели друг на друга.

– А вы боитесь тети Маши? – спросила серьезно девочка, будто припомнив что-то.

– Нет, не боюсь.

– Я думала, что боитесь, – протянула Наташа и задумалась.

– А вы не можете совсем выпрямить голову? – помолчав, опять спросила Наташа.

– Нет, Наташенька, не могу. Это у меня от болезни.

– А вы знаете «прієрь дивієрь»?

– Это что же такое? – удивился Николай Васильевич.

– Это тоже такая музыка... Липочка всегда на фортепиано играет... Сначала так тонко-тонко, а потом толсто. Очень тоже хорошо.

– Нет, я этого не знаю... Я ведь по-настоящему не учился играть.

– А песню «Люди добрые, внимайте» знаете? Липочка поет...

– И песни этой не знаю.

– А вы видели, какой у Липочки красный нос?

– Нет, не замечал... Это от Бога, Наташенька, кому что дано... На это нехорошо смотреть. Что ж за беда!

– Да? А вот Липа все смотрит на свой нос в зеркало и мажет его мазью, – серьезно сказала Наташа и замолчала.

– Липочка очень любит ливерную колбасу, – неожиданно прибавила девочка.

– Ведь оно хорошо... Отчего ж не любить? – отвечал Николай Васильевич.

– Пусть себе кушают на здоровье, Наташенька... На это тоже не надо смотреть...

– А где вы раньше жили? У вас была квартира?

Николай Васильевич смутился.

– Эх, Наташенька, не спрашивайте об этом... Жизнь моя была плохая... Не стоит вспоминать! Судьба-то забывает людей! – печально отвечал он. «То же говорит про судьбу, что и дядя Петя», – подумала Наташа и, качнув головой, со вздохом проговорила:

– Вас тетя Маша ни за что не хотела брать на кухню жить... Дядя Петя из-за этого плакал... Они с Липочкой говорили, что вы помешанный... что вы напьетесь и еще беды наделаете... Еще говорили, что вы меня приколотите.

Николай Васильевич покраснел и, опустив голову, долго молчал.

– Нет, Наташенька, вы не верьте! – наконец тихо заговорил он. – Я вас никогда не обижу... Я человек больной, несчастный... Прежде, давно, и я людей знавал, тоже учился кое-чему... А теперь только горе мыкаю... Вот живу здесь из милости... А выгонят, буду бродить по улицам, как негодная собака.

– Нет, вы хороший! Мне вас жаль! – растроганным голосом проговорила Наташа, скорее в ответ на собственные мысли и с нежностью положила свою худенькую ручку на руку Николая Васильевича.

– Доброе у вас сердечко, – сказал тот. – Только, вижу я, судьба и вас не балует... Малы вы, Наташенька, еще ничего не понимаете...

– Нет, я все понимаю, – возразила девочка.

В это время в сенях послышались шаги.

– Наши!!! – испуганно воскликнул Николай Васильевич и засуетился по кухне.

Наташа, как мышонок шмыгнув в гостиную, дрожащими руками сбросила платье, крепко зажмурила глаза, а сердечко ее било тревогу от полноты новых ощущений. Она слышала голос Николая Васильевича:

– Озябли, Марья Ивановна? – спрашивал он. – Петенька, позволь пальто, я вытряхну. Олимпиада Петровна, я вам сейчас помогу... Кажется, снег идет?

Ни Липа, ни тетка ни слова не ответили ему, только дядя Петя спросил:

– Все у нас благополучно, Коля?

– Все слава Богу... Я и не ложился, вас поджидал, – был тихий ответ.

Наташа стала засыпать... Какие-то приятные грезы туманили стриженую голову. Девочке представлялось, что с ней случилось нечто необыкновенное, что завтра, когда она проснется, у нее будет что-то новое, радостное, хорошее.

Тепло и свет

Со времени случайного «музыкального вечера» для Наташи и Николая Васильевича будто началась новая жизнь. Казалось, в квартире Петровых стало теплее и светлее. Наташа ожила; в ее больших грустных глазах по временам вспыхивали веселые огоньки; она стала двигаться живее, часто порывалась заговаривать с «большими», за что всегда получала сердитые окрики тетки:

– Наталья, ты с ума сошла? Чего ты лезешь с глупыми разговорами? Чему ты все ухмыляешься так же, как и твой идиот дядюшка?! Вот-то наказание! Нечего сказать, наградил Господь родственничками!

Николай Васильевич все чаще и чаще посматривал на маленькую девочку с отеческой нежностью, молча ей улыбался и кивал головой; иногда он приносил ей из лавки пастилку или леденчик и передавал украдкой. Наташа взглядами благодарила его, думая о том, какой он добрый и хороший: ведь так ее никто еще не баловал.

Однажды тетка застала Наташу на кухне. Она стояла, облокотившись на колени дяди, смотрела ему в глаза и непринужденно болтала.

Разразилась целая буря.

– Наталья, ступай в комнату, – гневно закричала Марья Ивановна, прошла за племянницей, плотно прикрыла дверь и стала ее бранить:

– Ты что, голубушка?! Это еще что за смешки с оборванцем дядюшкой? Что у тебя другого занятия нет?! – Подумай, Липочка, какие нежности! Нашла себе подходящего друга! В глаза этому полупомешанному смотрит, глупости болтают, и оба смеются. Чтобы этих разговоров никогда не было! Слышишь?! А не то не обрадуешься!!!

– Ты, Наталья, становишься совсем нехорошая, своевольная девчонка! – вялым голосом прибавила Липа.

Наташа понять не могла, почему тетенька и двоюродная сестра не позволяют ей говорить с Николаем Васильевичем, и недоумевала, что же тут дурного? Марья Ивановна и Липа тоже, конечно, не могли бы указать тут дурного, но им нравилось проявлять свою власть.

Для Наташи и Николая Васильевича выдавались, хотя и нечасто, веселые, отрадные вечера, которые они потом долго вспоминали. Как только хозяева уходили в гости, Наташа, сияющая, появлялась в кухне.

– Поиграйте на вашей флейте, Николай Васильевич, – просила она.

И Николай Васильевич играл без конца все, что он знал.

– Наташенька, вы, может, знаете какие-нибудь песни? – спросил он раз девочку.

– Знаю «Люди добрые, внимлите печали сердца моего», которую Липочка поет.

– Этой я не могу играть. А еще не знаете ли какой?

– Еще помню немножко: «В селе малом Ваня жил». Давно-давно мне ее папа пел. Я тогда была еще маленькая.

– Вот-вот! Это отличная песня. Послушайте! Так что ли?

Николай Васильевич заиграл.

– Да, она самая, – сказала Наташа. – Дальше там:

«Ваня дудочку берет,
Тане песенку поет.
Ай, люли, ай, люли!
Тане песенку поет».

– Попробуйте, спойте, Наташенька, – предложил Николай Васильевич.

– Нет. Мне стыдно, – отвечала девочка и застенчиво улыбнулась.

Николай Васильевич тоже улыбнулся.

– Чего же стыдиться-то?! Вот тоже сказали! Тут дурного ничего нет. Певицы поют перед тысячью народа и не стыдятся. Спойте, спойте, Наташенька!

Раздались звуки флейты, наигрывающей «Ваню и Таню». Наташа сначала не пела, а только говорила песню шепотом речитативом, дрожащим голосом, глотая слова.

– Погромче, Наташенька! Чего вы боитесь? – И Николай Васильевич запел сам хриплым, прерывающимся голосом:

«В селе малом Ваня жил...»

Наташа ему подтягивала.

– Ну, пойте теперь как следует. Ведь у вас голосок есть! Право!

Николай Васильевич снова заиграл на флейте.

Пение стало раздаваться все громче и громче. Свежий чистый голосок маленькой певицы звучал, как серебряный колокольчик, и переливался вместе с флейтой.

– Очень хорошо выходит, Наташенька! Расчудесно! Вы точно настоящая певица! – восторгался Николай Васильевич. – Ну-ка, еще разок!

И ободренная девочка, покрасневшая, улыбающаяся, с блестящими глазами, заливалась, как соловей.

У обоих на душе было хорошо и весело. Песня и музыка находят отклики в сердце каждого человека и будят в душе лучшие чувства и мысли.

После игры и пения в длинные зимние вечера Наташа и Николай Васильевич вели нескончаемые разговоры, и тут девочка узнала много нового: иной мир открывался ее просветленным глазам.

Николай Васильевич рассказывал, как живут другие люди за пределами их маленькой квартиры, рассказывал, как учатся дети в школах. Иногда он передавал девочке, что помнил, из Священной истории, говорил стихи или басни.

– Еще, еще скажите, – шепотом просила Наташа, восторженно переживавшая сладость новых познаний.

– Эх, Наташенька, поучил бы я вас, да сам почти все забыл. Не могу! Перезабыл... Так досадно!

– Как мне хочется учиться и про все узнать. Как это хорошо! – мечтательно говорила девочка.

– Надо учиться. Молите Бога, Наташенька, Он услышит детскую молитву. Все будет тогда к лучшему. Может, и учиться станете.

Наташа глубоко задумывалась...

Иногда Николай Васильевич рассказывал девочке про театры, про актеров, про разные представления: как поют певцы и певицы, как играют на разных инструментах, как народ от восторга бьет в ладоши, сколько там горит огней и как бывает весело.

– Вот, Наташенька, может, и вы будете певицей, когда вырастете, – прибавлял он.

– Мы уж лучше вместе. Вы будете играть на флейте, а я стану петь. Это будет очень хорошо! – отвечала девочка.

– Нет, Наташенька, я уж не гожусь! Меня тогда и на свете не будет, – говорил Николай Васильевич.

– Нет, вы годитесь. Я не хочу без вас! Вы всегда будете на свете, – дрожащим голосом возражала Наташа. У нее на глазах навертывались слезы, и она доверчиво прижималась к дяде.

– Хорошая вы девочка, жалостливая! Малы вы еще, Наташенька, ничего не понимаете! – взволнованно шептал Николай Васильевич. – Наши идут! – вдруг неожиданно прерывал он беседу, заслышав шаги.

Музыкальные способности Николая Васильевича скоро открылись и произвели в семье переполох.

Дело было вечером. Марьи Ивановны и Петра Васильевича не было дома. Липа лежала на диване и читала книгу. Наташа сидела в своем обычном уголке.

Совершенно неожиданно в кухне раздались тихие едва слышные звуки флейты.

Липа приподнялась на диване, отложила книгу в сторону и, сдвинув брови, недоумевая, стала прислушиваться; очевидно она не понимала, что это за музыка и откуда она несется.

Наташа привстала и, вытянув худенькую шею, не спускала с двоюродной сестры торжествующего взгляда; ее рот расплылся в улыбку, глазенки блестели; все ее довольное, счастливое личико, казалось, говорило: «Ты удивлена? Ты не понимаешь, что это и откуда? А я знаю и восхищаюсь».

Девочка не выдержала.

– Липочка, ведь это Николай Васильевич играет. Как хорошо! Он может и другие песни сыграть еще лучше. Хотите, я попрошу?

Тут произошло нечто неожиданное. Липа стремительно сорвалась с места, лицо ее стало красное и злое, она распахнула дверь в прихожую и прокричала:

– Николай Васильевич, вы, должно быть, совсем помешались?! Я – дома, занята, читаю, а вы свистите на какой-то дудке?!

– Извините, Олимпиада Петровна! Я думал, что вы не услышите. Я тихонько, – отвечал Николай Васильевич переконфузившись.

Думают только индейские петухи! – отвечала резко Липа и снова легла на диван. – А тебе, Наталья, еще достанется. Ты очень большую волю берешь.

Наташа словно застыла на своей скамейке за диваном, без слов, без движения, с большой обидой на сердце. «Бедный, бедный Николай Васильевич! Ему ничего не позволяют. И за все-то его бранят! Сама Липа «прієрь дивієрь» играет – как иногда гремит – все ничего. А Николаю Васильевичу и тихонько поиграть нельзя», – с горечью размышляла стриженная головка и сильнее, искреннее желала вырасти скорее большой, взять к себе жить Николая Васильевича, позволить ему играть громко на всю квартиру и не пускать к себе Липу.

Когда вернулась домой Марья Ивановна, Липа, раскрасневшись, с негодованием рассказала матери происшедшее.

– Вообразите, мама, дядюшка вздумал сегодня на всю квартиру на дудке свистеть! Вот флейтист явился!

– Что же, ты его, надеюсь, отчитала как следует?

– Конечно! Так на него закричала, что в другой раз не засвистит.

– Это ужас, что за народ нынче! Им делаешь благодеяние, поишь, кормишь, даешь угол, а они норовят на шею сесть. Неблагодарные!

– А эта глупая девчонка изволит восхищаться, говорит: «Хотите, Липочка, я его попрошу еще сыграть?» – передразнивала девушка Наташу.

– О! И доберусь же я до нее! Да как ты смеешь?! Становись сейчас в угол! Вот наказание! – сердилась Марья Ивановна.

Наташа заплакала и стала в угол.

– Петр Васильевич, – жаловалась вечером Марья Ивановна мужу, – потрудись приказать твоему флейтисту братцу не разводить в моей квартире концертов... От них только голова трещит... Да вели Наталье язык за зубами держать. Очень она дерзка становится! Измучили они меня!

Петр Васильевич по обыкновению молчал, хмурился, и на лбу его глубже и резче ложились морщины.

С тех пор Марья Ивановна и Липа иначе не называли Николая Васильевича, как «дядюшка-флейтист». И с какой насмешкой произносилось это прозвище.

Николай Васильевич не выдержал гнета. Пришла и на него беда. Вернулся он как-то из лавки в необыкновенно веселом настроении: сначала что-то бормотал сам с собою, потом стал петь, смеяться и, шатаясь, заговаривал с Марьей Ивановной.

– Да вы пьяны?! – закричала та вне себя. – Вон! Сейчас вон! Чтобы духу вашего не было.

– Куда я пойду? Извините! Вы не беспокойтесь, Марья Ивановна! Мне некуда идти... И не пойду! Конечно, я немножко... Вы извините, – бормотал Николай Васильевич, затем лег в кухне на полу и тотчас же заснул.

Марья Ивановна очень сердилась и требовала, чтобы муж прогнал брата. Но потом дело как-то умолкло. Петр Васильевич уговорил жену простить Колю, а того сильно пристыдил.

Наташа перетрусилась не на шутку и долго после того, ничего не говоря, смотрела на Николая Васильевича с укором, печально и серьезно.

Наташа заболела

Наташа заболела. Случилось это как раз в именины Липы, когда у Петровых ожидалась гости.

Девочка металась вся в жару: голову ее ломило нестерпимо, глаза слипались, ноги подкашивались; она то прислоняла больную голову к спинкам стульев, то ложилась на диван и смотрела на всех страдающими, воспаленными глазами.

– Не беда! Поправится! – говорила тетка. – Наталья, иди ляг в кухне на сундук. Там тебе будет спокойно.

– Машенька, ты бы ее малинкой попоила да прикрыла бы потеплее, – заикнулся было Петр Васильевич.

– Без тебя знаю, – оборвала его жена.

Наташа ушла в кухню и легла там на сундуке.

– Николай Васильевич, знайте, если вы сегодня выпьете хоть одну рюмку водки, я вас немедленно выгоню! – сказала Марья Ивановна, выходя расфранченная на кухню.

Николай Васильевич промолчал и с беспокойством взглянул на Наташу.

Наступил вечер. Гости собрались. В гостиной слышались говор, смех, музыка. Там играли в карты, угощались; Липа отчаянным сопрано пела: «Люди добрые, внимлите...»

Марья Ивановна беспрестанно выбегала на кухню и кричала на Николая Васильевича:

– Вымыли посуду? Как вы долго возитесь! Давайте сюда... Экий тюлень! Ставьте самовар!

Она вырывала полотенце из рук Николая Васильевича и сердито перетирала стаканы и чашки.

Наташа лежала на сундуке и стонала. Музыка, пение, крики и стукотня, как тяжелые молотки, отзывались в ее больной голове.

– Николай Васильевич! – окликала она, как только тетка скрывалась из кухни.

– Что, Наташенька?.. Что?.. Попить хотите?.. Да? – спрашивал тот тревожно, нагибаясь к девочке.

– Николай Васильевич, слышите?! Это Липа «пріеръ дивіерь» играет. А кто булками обносит гостей? Ой, как голову больно! Дайте пить...

– Сейчас, Наташенька, сейчас, милая... Я вам чаю с лимоном налью... Тетя не увидит... Пейте...

Он дрожащими руками приподнимал стриженую головку и бережно поил девочку.

– Николай Васильевич, подите ко мне... – через несколько минут звала опять Наташа. – Я боюсь, боюсь тети Маши.

Николай Васильевич подходил, с нежной лаской нагибался к больной и гладил ее по голове.

– Не бойтесь никого... Я тут с вами... Вас не обидят. Может, головку примочить? Да? – спрашивал он и глаза его застилались слезами.

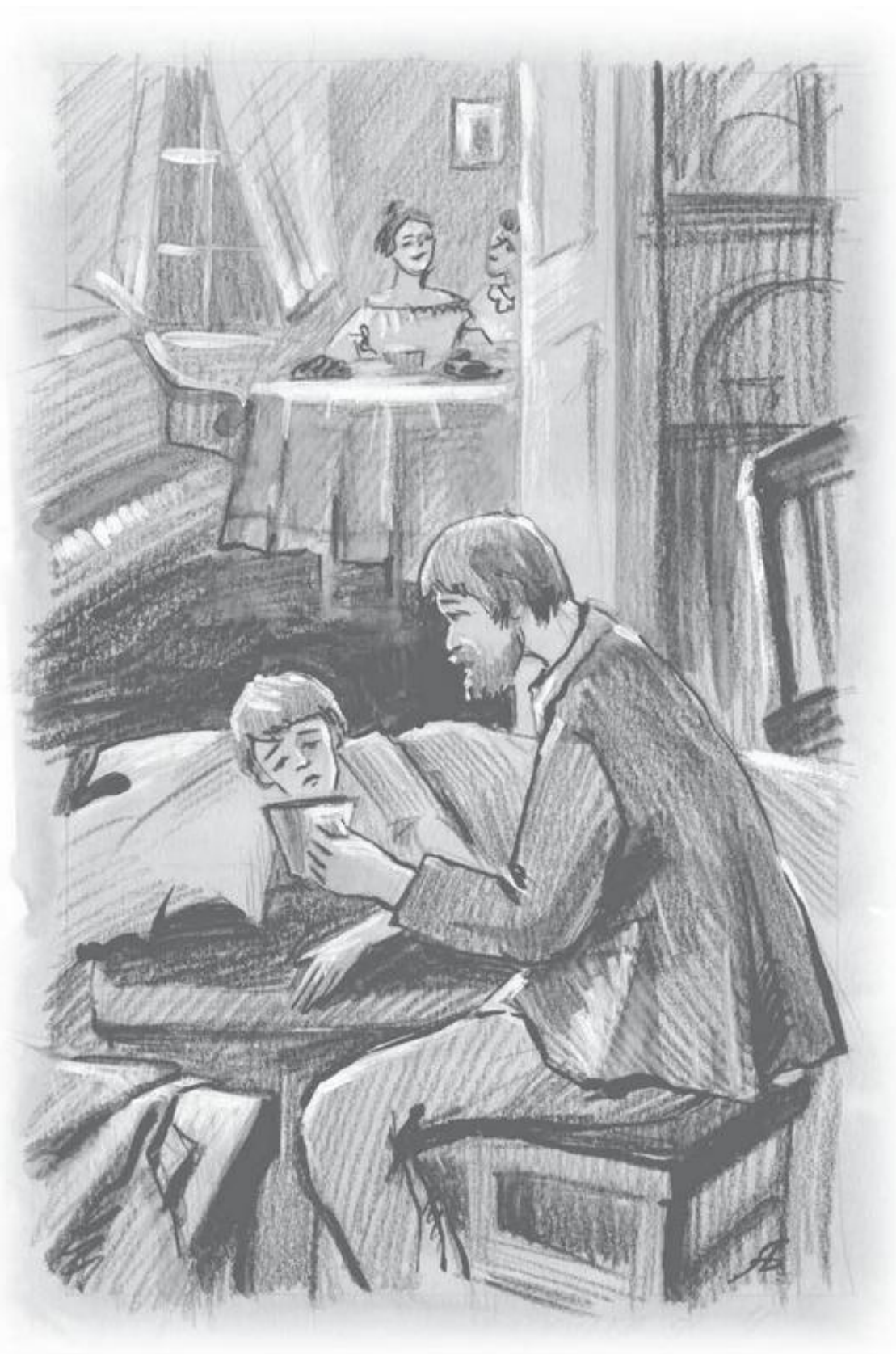
– Дайте мне руку, – Наташа ловила горячими, сухими ручками руку дяди и прижималась к ней пылающей щекой. – Так хорошо! – шептала она и закрывала глаза.

Что было хорошо, Николай Васильевич не знал; может быть и то, что ребенок впервые не чувствовал себя одиноким.

Заслушав шаги хозяйки, Николай Васильевич вставал у сундука и прикрывал собой больную.

– Самовар подайте! За хлебом сбегайте! – кричала Марья Ивановна. – Какой вы бестолковый! Чего вы по кухне мечетесь?

Николай Васильевич делал все, как в чадy. Все его мысли и тревоги были обращены на маленькую девочку, беспомощную, покинутую. Посмотрев с беспокойством на Наташу, он торопливо побежал в лавку за хлебом и мигом вернулся.

Нарезая хлеб, он неожиданно заметил, что большие, болезненно блестящие глаза в упор смотрят на него.

– Что, Наташенька? Не надо ли чего? – заботливо спросил он.

– Дядя Коля... – тихо позвала девочка. Она впервые его так называла, и это вырвалось у нее так ласково, от души.

С замирающим сердцем бросился Николай Васильевич на этот зов.

– Что милая? Попить хотите?

– Дядя Коля... сядьте на сундук... Вот тут. Сядьте... Знаете, Николай Васильевич, вы не пейте водки... Пожалуйста, не пейте! Тетя Маша вас бранит и сердится... А я вас тогда боюсь... Правда, боюсь... Вы тогда страшный и гадкий...

Николай Васильевич опустил голову и долго-долго молчал. Вдруг он словно очнулся и решительно вскинул глаза на девочку.

– Даю тебе честное слово, Наташенька, не стану больше пить. Гадость она, водка-то... Поправляйся. Для тебя не стану. Вот увидишь.

Наташа улыбнулась и погладила дядю по руке.

– Я вас очень люблю. Больше, чем дядю Петю... Больше гостей, больше всех, – лепетала девочка, протягивая худенькие руки. Она охватила нагнувшегося к ней дядю за шею и закрыла утомленные глаза.

– Милая моя! Родная! Добренькая! – шептал Николай Васильевич, а крупные слезы одна за другой катились по его лицу и падали на пальто, которым была прикрыта девочка. Он гладил ее по голове, по щекам и смотрел на нее с умилением и тревогой.

Заслышав шаги Марьи Ивановны, Николай Васильевич поспешно вскочил, взволнованный и растерянный.

– Что же вы хлеб-то не нарезали? Сами догадаться не можете! – кричала на него хозяйка.

И под эти сердитые окрики, под звуки фортепиано, под веселый смех гостей, между двумя никому ненужными людьми был заключен дружественный союз сердечной привязанности, без которой живет так холодно. Живая, чистая любовь согревает жизнь, как солнечные лучи весной, и может подвигнуть на все доброе.

Сидя около Наташи, в полузабытьи закрывшей глаза, Николай Васильевич с грустью смотрел на нее и думал, что она маленькая и одинокая, растет без ласки отца и матери, никому не дорога и не знает детских радостей, не видит веселья. Положим, Петенька жалеет Наташу, но ведь у него есть своя дочь и он боится Марьи Ивановны. Наташу же некому пригреть... А какой ребенок не жаждет ласки и не льнет к доброму человеку?!

– Липочка поет «прієрь дивієрь»... Я буду петь... Дядя Коля... дядя... Я боюсь... Дядя Коля... Мне страшно... Спрячьте меня, – металась и бредила Наташа.

Николай Васильевич то гладил ее по голове, поправлял подушку, подносил пить, то сжимал свою голову руками и что-то шептал. Он давал сам себе обеты не бросать и оберегать девочку на ее жизненном пути, сделать для нее что-то хорошее, что – он и сам еще не знал, но все ему казалось теперь возможным и достижимым.

Под утро гости стали расходиться. Наташа заснула. Николай Васильевич вздохнул и, поглядывая поминутно на заснувшую девочку, стал мыть и убирать посуду после пира, боясь лишней раз шевельнуться и неосторожно стукнуть.

Дядюшку выгнали

Наташа выздоровела. Болезнь ее была одна из тех детских болезней, которые неожиданно приходят и скоро проходят. Между тем, Николай Васильевич за то время, что девочка пролежала в кухне на сундуке, совсем изменился, даже осунулся, тревожась за нее. Он бродил как тень и твердо выдерживал обещание, данное племяннице.

Наташа поправилась, перебралась в залу за диван, и Николай Васильевич повеселел.

Похудевшая, слабенькая девочка сияла тихим счастьем: точно болезнь переродила ее.

Раз тетка ушла за провизией, а Наташа, улучив свободную минутку, выбежала в кухню.

– Дядя Коля, наши сегодня на весь вечер в гости уйдут! – радостно шепнула она, рассмеялась и захлопала в ладоши.

Многое было этим сказано: обоим представился веселый вечер, разговоры, пение, игра на флейте. Такие светлые минуты не часто выпадали на их долю.

– Твой почтенный дядюшка-флейтист сегодня совсем с ума спятил, – говорила Липе вернувшаяся Марья Ивановна. – Представь, душенька, стирает в корыте полотенца и ухмыляется во весь рот. Вот-то сокровище!

– Ах, да не говорите мне о нем! – ответила Липа. Наташа догадалась, чему улыбался дядюшка, и в ее больших глазах мелькнул задорный огонек.

Вечером, как только хозяева скрылись за дверью, девочка была уже в кухне.

– Ну, дядя Коля, давайте теперь играть на флейте, – весело подпрыгнув, сказала она.

– погоди, Наташечка... наши еще не успели далеко отойти. Услышат, тогда нам плохо будет... Надо вот и кухню прибрать.

– Как мы с вами давно не флейте не играли. Я все ждала, ждала, когда-то они уйдут. Как я рада? Вы рады, дядя Коля, что они ушли? – болтала Наташа.

– Конечно, нам с тобой посвободнее. Только они ведь хозяева, Наташечка... Тут уж их воля...

– Играйте, играйте же скорей... Сначала мою любимую. Знаете, так тонко-тонко-тонко, а потом – как птичка.

Зазвучала флейта. Николай Васильевич переиграл все, что только знал. Наташа спела «Ваню и Таню».

– Слушай, Наташечка, выучи-ка петь «Среди долины ровныя»¹... Это самая лучшая на свете песня. Ты послушай-ка, что это за песня.

Николай Васильевич тихо запел своим дрожащим, разбитым голосом:

«Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб развесистый
Один у всех в глазах,
Стоит один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко, –
Кого под тень принять?

¹ Песня Мерзлякова.

Ударит непогодушка, –
Кто станет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются близ него».

– Очень хорошая песня! Такая жалостливая, – заметила Наташа, когда певец замолк. –
Спойте, дядя Коля, еще раз. Научите меня...

Они запели вместе.

Вечер проходил весело. Наташа уже без помощи дяди во второй раз пела «Среди долины
ровных».

Прислонившись к плите, сложив на груди руки, она с увлечением заливалась вслед за
флейтой.

«Взойдет ли красно солнышко, –
Кого под тень принять?
Ударит непогодушка, –
Кто станет защищать?»

– вывела высокой, чистой нотой девочка и, закинув назад головку, приоткрыла глаза и
развела руками.

– Чудесный у тебя голосок, Наташечка. Наверно, ты певицей будешь. Повтори-ка это
место еще раз.

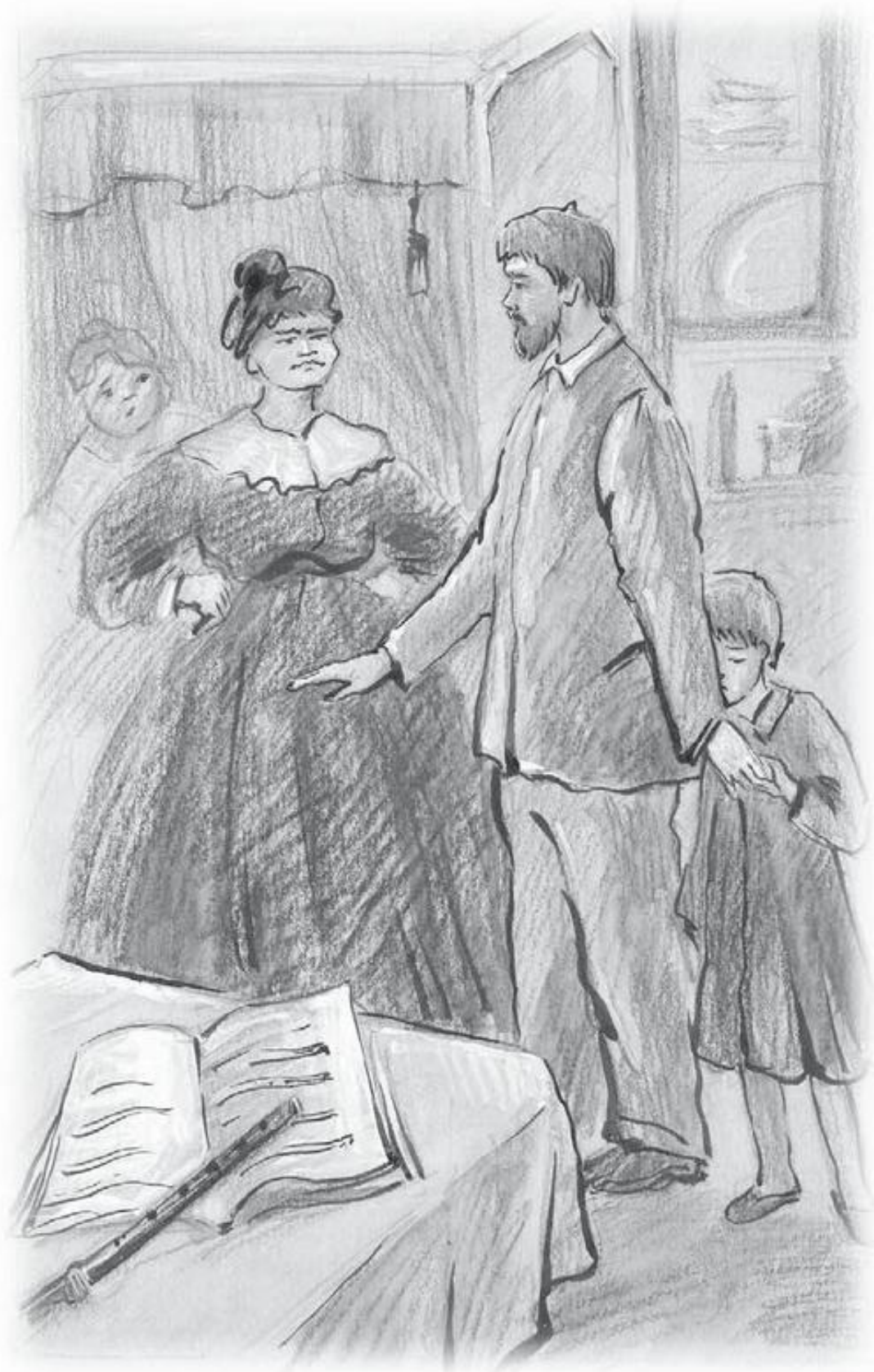
«Взойдет ли красно-солнышко, –
Кого под тень...»

– залилась снова маленькая певица.

– Это что?! – раздался неожиданно раздраженный голос.

Николай Васильевич выронил из рук флейту. Наташа вздрогнула и пошатнулась.

На пороге кухни стояла Марья Ивановна, а за нею хохотала Липа.

– Это что? Почему ты не спишь? – крикнула тетка, схватила Наташу за ухо и хотела тащить из кухни. Девочка громко испуганно заплакала.

– Не троньте Наташу! Не троньте! Я не позволю... – как будто не своим голосом закричал Николай Васильевич, отстраняя хозяйку и становясь между ней и девочкой.

– Как вы сметете так с мамашей говорить? – вступилась Липа.

– Не троньте Наташу... Я никому не позволю бить ее. Я за Наташу вступлюсь... не позволю... – внушительно и строго проговорил Николай Васильевич и своим сердитым видом, должно быть, испугал обеих женщин. Те поспешили уйти из кухни.

– Вот как! Вот! Я покажу себя! Увидят! – грозила Марья Ивановна, развязывая ленты шляпки.

– Наталья, сейчас иди спать! – крикнула Липа.

– Иди, Наташенька, не бойся... Они не посмеют обидеть: я тут, – сказал Николай Васильевич.

Девочка, дрожа, пробралась в залу, умоляющими глазами взглянула на тетку и юркнула на свой диван.

Когда через несколько времени пришел домой Петр Васильевич, мать и дочь бросились к нему с громкими жалобами. Наташа слышала, как они говорили, что им от «милых родственничков» житья нет, что Николай Васильевич набросился с кулаками, что Наталья избаловалась и грубит, чему учит ее «полупомешанный флейтист», и чтоб он выбирал или их, или идиота брата.

Неправда, все неправда! – думала Наташа. – Бедный дядя Коля, его теперь выгонят на улицу. Какая беда случилась! И как это дядя Коля забыл закрыть дверь?!

Вспоминая появление тетки на кухне, девочка чувствовала, что будто мурашки проходят по ее телу, и сердце перестает биться. «Что теперь будет? Бедный дядя Коля!» – сокрушалась Наташа и тихо плакала.

На другой день рано утром она проснулась от громкого разговора в кухне. Оттуда слышался голос дяди Пети, который звучал необычайно резко.

– Как тебе не стыдно, Коля, подымать в доме такие неприятности? К тебе отнеслись с добротой, а ты вот как за все отблагодарил! – говорил Петр Васильевич.

– Что же я сделал, Петенька? – послышался тихий вопрос.

– Хозяйке дома делаешь такие дерзости, бросаешься с кулаками, ребенка учишь глупостям и грубить, пьешь, никого не слушаешься, завел какую-то глупую музыку.

– Неправда, с кулаками я не лез, я отнял только Наташу... Я не дал ее драть за уши! Да, не дал...

– Я работаю, устаю. А тут дома все нелады. Как тебе не стыдно, Коля!

– Наташу я ничему дурному не учил. Это неправда! Я, может, ее больше всех тут люблю и жалею... Она ведь и мне не чужая... А что на флейте я играл и Наташечка пела – это правда. Что ж тут дурного? Ведь скучно, Петенька! Неужели нельзя немножко развлечься?

– Марья Ивановна теперь рассердилась, ни за что не хочет, чтобы ты тут оставался... Что ж я стану делать, если ты нигде не можешь ужиться?!

– Ты не беспокойся, братец, я не стану твоим мешать... Я уйду... Мне очень тяжело, Петенька ...

Голоса в кухне замолкли. Через несколько минут Петр Васильевич заговорил несколько мягче и спокойнее.

– Ты бы, Коля, извинился перед Марьей Ивановной, попросил бы ее оставить тебя. Может, все обойдется: она женщина не злая.

– Эх, Петенька, прост ты душой, братец... А только извиняться я не стану... Ни за что не стану!

– Так неужели же тебе лучше холодному и голодному бродить по улицам? Опять пить станешь. Как тебе не стыдно, Коля!

– Здесь-то тоже жизнь... Бог с ней, не красна! – с горечью отозвался Николай Васильевич. – Наташечку жаль... – шепотом заговорил он. – Ты ведь не видишь, братец... Ее обижают, обделяют, попрекают... Ты не давай: грешно! Она сирота, и покойный брат тебе ее поручил... Ты перед Богом ответишь! Она хорошая, добрая. Тихая... Смотри, Петенька, не давай Наташу в обиду. Я уйду, уйду... Может, и пить еще брошу. Я уже про то знаю, сам увидишь... Может, я еще и человеком стану... Наташечку только не обижайте.

– Не дело ты говоришь, Коля. Не пойму я тебя. Лучше бы перед Марьей Ивановной повинился, хоть бы меня-то пожалел; не знаешь, как между вами и быть.

– Оставь, оставь это дело, Петенька... Мы уже сами все рассудим. Смотри-ка девять часов, тебе на службу пора.

Братья расстались.

В тот же день вечером Николай Васильевич собрал свои вещи в узелок, пошептался о чем-то с братом, после чего тот нахмуренный прошел в свою комнату, и появился на пороге залы.

– Прощайте, Марья Ивановна, спасибо за ваш хлеб-соль. Прощайте, Олимпиада Петровна! Счастливо оставаться! Наташенька, прощай! – голос его дрогнул.

Никто ему не ответил. У Наташи потемнело в глазах, замерло сердце, что-то сдавило горло; ей хотелось закричать, броситься за дядей. Она привстала, протянула руки вперед и закивала головой, думая, что он еще увидит ее прощальный привет, слезы неудержимо полились по лицу, и только захлопнулась дверь, точно солнце померкло для нее. Девочка заплакала навзрыд; она заплакала горько и беспомощно, с воплями, с захлебываниями, с отчаянными криками.

– Это что за фокусы! Наталья, замолчи! Сейчас замолчи! Не пикнуть! Я кому говорю? Молчать! – не помня себя от гнева грозилась тетка, подбегая к дивану, за которым рыдала девочка.

– Машенька, пожалуйста, оставь Наташу. Ты мне мешаешь заниматься. Наташа замолчи, – слышался из-за перегородки голос Петра Васильевича.

Зажимая рот руками, вся вздрагивая, прижимаясь головой к дивану, Наташа замолчала, затаив свое тяжелое горе.

Луч света

В семье Петровых потекла та же серая, однообразная жизнь. Только Наташа стала другая: она очень выросла за последний год, похудела, и в больших глазах светилась недетская грусть. Наташа узнала иную жизнь, содержательную и счастливую, она слышала иные речи, и грусть о потерянном, жажда новых знаний мучили пытливого ребенка.

Когда тетка и Липа уходили из дому по вечерам, девочку запирали на ключ. Воспоминания уносили Наташу в недалекое милое прошлое, и грустным, тихим голосом, сидя на диване, она начинала напевать: «Среди долины ровныя». Задумавшись, она часто вспоминала дядю Колю: «Где-то он теперь? Неужели ходит по улице холодный и голодный? Вспоминает ли он ее, Наташу? Да, конечно, вспоминает. Хоть бы одним глазком увидеть его».

Наташа тосковала о нем ужасно и плакала втихомолку целые ночи напролет.

После ухода Николая Васильевича тетка и Липа своими насмешками прохода не давали девочке.

– Певица, что же вы не повторяете свои арии? Ведь скоро опять будет ваш концерт! – приставала Липа.

– Они с дядюшкой-флейтистом будут ходить по дворам. Он станет на дудке свистеть, а она будет петь и плясать. Вот он ее и готовил в уличные певицы, – вторила Марья Ивановна.

Наташа молчала, грустила и пряталась от всех.

Раз она шла из лавки и несла хлеб. Дело было под вечер и уже стемнело.

– Наташенька, милая! – вдруг окликнул ее знакомый, ласковый голос, заставивший шибко и сладко забиться маленькое сердечко.

Девочка порывисто обернулась и просияла.

– Дядя Коля!

Она взглянула на него с изумлением и даже отступила. – Отчего вы так одеты, дядя Коля?

Николай Васильевич смущенно оглянул свой черный подрясник и сказал:

– Я буду монахом, Наташечка.

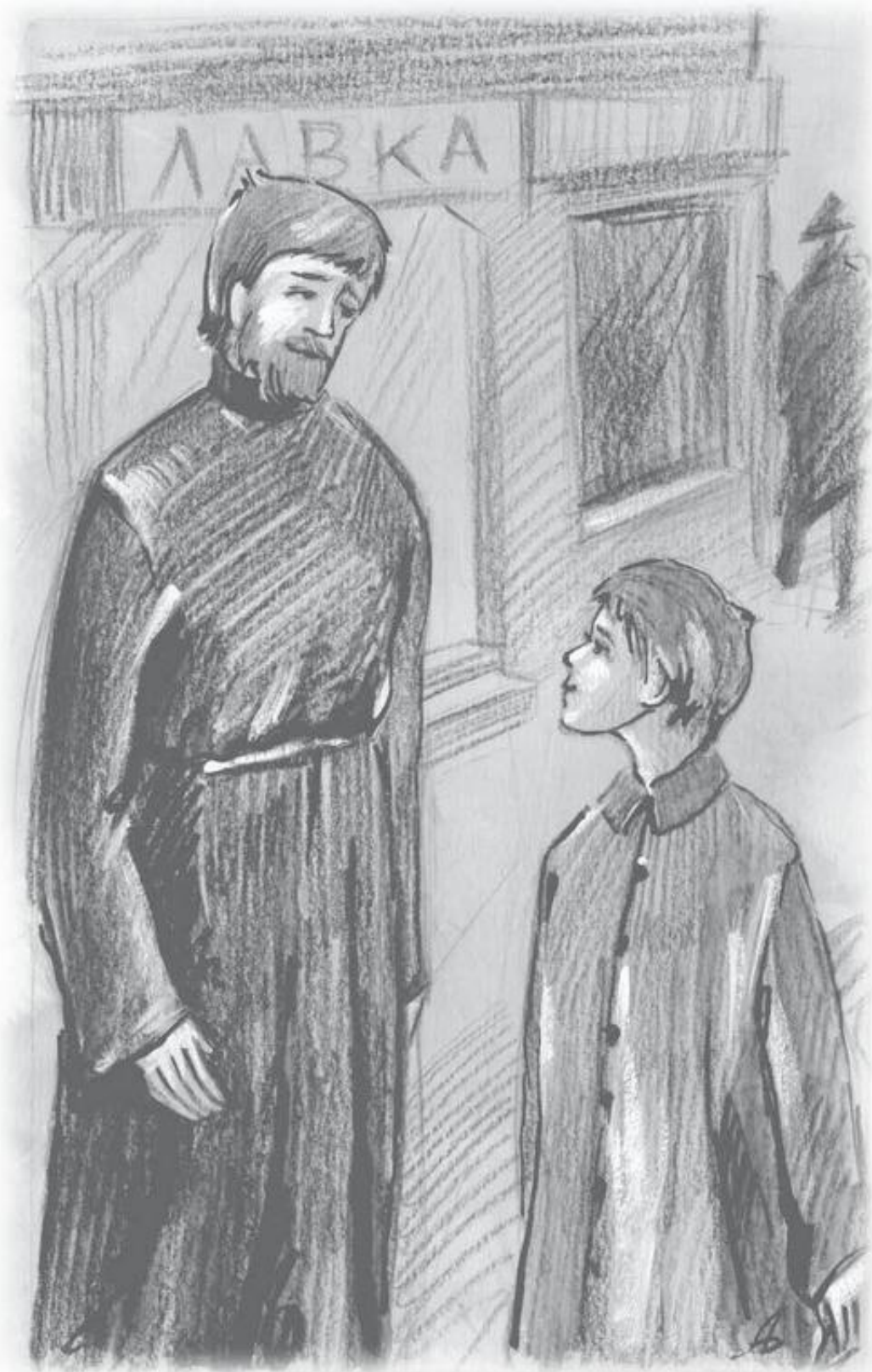
– Монахом?! – переспросила девочка и пристально посмотрела на дядю, как бы желая понять смысл этого слова. – Вы живете на улице? – сосредоточенно спросила Наташа.

– Нет, в монастыре... Это Божий дом. У нас тихо, хорошо... Я пока на испытании, а потом сделают настоящим монахом.

– Вы будете, дядя Коля, ходить с книжкой и собирать милостыню?

– Нет, Наташечка... Я буду работать, буду тебе счастья у Бога вымалывать...

– Я думала, что монахи только милостынку собирают, – задумчиво проговорила Наташа.

- Как же ты-то живешь, милая? Что делаешь? Здоровая ли?
– Я... живу... здорова...

– Обижают тебя тетенька и Липочка? – шепотом спросил Николай Васильевич, точно боялся, что их разговор услышат, и погладил нежно девочку по голове.

Наташа молча посмотрела на дядю, глаза ее наполнились слезами, она наклонила голову и промолчала.

– Терпи, моя бедненькая... Что делать! Молись Богу, Наташечка. Я тоже стану молиться за тебя... Он все устроит к лучшему.

– Мне очень скучно без вас... Я все вспоминала, как мы пели, играли, разговаривали, как я тогда была больна... Помните, дядя Коля? – тихо говорила Наташа.

– Конечно, помню. А уж я-то как скучал. Теперь занят. У нас работы много. Разные есть мастерства. Тебя вспоминаю все-таки часто.

– Я не скажу, что вас видела... Не то они рассердятся.

– Не говори... Ах, да вот тебе пастилочка, вот леденчик. – Николай Васильевич полез в карман. – Спрячь, Наташечка. Да иди, – пожалуй, тебя ждут.

– Я пойду... Тетя рассердится.

– Иди, иди. Скоро опять увидимся. Бог даст, нам лучше будет. Я, Наташечка, не пью водки. Хочу человеком стать. Совестно ведь. Я учусь образа рисовать. Ризы у нас тоже делают. Заработать можно.

– Вы придете, дядя Коля? Скоро придете? Вы поскорее, – умоляла девочка.

– Приду, приду... Увидимся... Иди, милая. Прощай!

Наташа шла улыбаясь, обертывалась и смотрела на удалявшегося Николая Васильевича. Тот тоже обертывался и улыбался.

Весело стало на душе у маленькой Наташи: блеснул луч света и надежды. А надежда ведь радует всякого.

На новую жизнь

События неожиданно изменились. Как-то вечером Марья Ивановна гадала на картах, Липа сидела рядом с ней и со скучающим видом смотрела на ее гадание, Наташа копошилась за диваном, Петр Васильевич работал в своей комнате.

В прихожей раздался громкий звонок. Марья Ивановна открыла дверь.

– Здесь живет коллежский регистратор Петров? – спросил вошедший.

– Да. Здесь. Он дома, – испуганно отвечала хозяйка. – Вот им бумага! Пусть распишутся. Да на чаек бы, потому поздравляю их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.